

Научно-исследовательский центр «Иннова»

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов по материалам
XV Международной научно-практической конференции,
25 августа 2026 года, г.-к. Анапа

ИННОВА
научный центр

Анапа
2026

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89

ББК 94.3 + 72.4: 72.5

И73

Научный редактор:
Скорикова Екатерина Николаевна

Редакционная коллегия:

Бондаренко С. В., к.э.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Дегтярев Г. В.**, д.т.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Хилько Н. А.**, д.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Ожерельева Н. Р.**, к.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Жиянова Н. Э.**, к.э.н., профессор (Узбекистан, г. Ташкент), **Климов С. В.** к.п.н., доцент (Россия, г. Пермь), **Михайлов В. И.** к.ю.н., доцент (Россия, г. Москва).

И73 Интеграционные процессы в современной науке: новые подходы и актуальные исследования. Сборник научных трудов по материалам XV Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 25 августа 2026 г.). – Анапа: НИЦ ЭСП в ЮФО, 2026. - 71 с.

В настоящем издании представлены материалы XV Международной научно-практической конференции «Интеграционные процессы в современной науке: новые подходы и актуальные исследования», состоявшейся 25 августа 2026 года в г.-к. Анапа. Материалы конференции посвящены актуальным проблемам науки, общества и образования. Рассматриваются теоретические и методологические вопросы в социальных, гуманитарных и естественных науках.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, всех, кто интересуется достижениями современной науки.

За содержание и достоверность статей, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Информация об опубликованных статьях размещена на платформе научной электронной библиотеки (eLIBRARY.ru). Договор № 2341-12/2017К от 27.12.2017 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.innova-science.ru.

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5

ISBN 978-5-97873-091-3

© Коллектив авторов, 2026.
© ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО
(подразделение НИЦ «Иннова»), 2026.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ»: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР НА РУБЕЖЕ 1950–1960-Х ГОДОВ

Гиззатуллин Айдар Азатович 5

ТРИ ПРАВИТЕЛЯ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА: ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ И СКИФО-САРМАТСКИЕ НАДПИСИ

Рябчиков Сергей Викторович..... 23

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ КУРСАНТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Каменева Екатерина Александровна 39

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРИМЕНЕНИЕ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ И ГИС ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПЫЛЕВОЙ ЭМИССИИ В СУРХАНДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Маматкулов Аслиддин Рустамбек угли, Баходиров Зафар Абдувалиевич
Эшмуродов Собир Жахонгир угли 47

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

АНАЛИЗ РАСПРОСТРАНЁННОСТИ ЙОДОДЕФИЦИТНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ЩИТОВИДНОЙ ЖЕЛЕЗЫ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЗА 2023-2024 ГГ.

Семенов Роман Петрович
Семенов Константин Петрович
Попова Анастасия Александровна
Мустафин Станислав Алексеевич..... 60

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОДИНАМИЧЕСКОГО И КОГНИТИВНОГО
ПОДХОДОВ В ПОНИМАНИИ МЕХАНИЗМОВ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ**

Солдатова Вероника Сергеевна..... 65

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 327

ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА «ОТТЕПЕЛИ»: ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР НА РУБЕЖЕ 1950–1960-Х ГОДОВ

Гиззатуллин Айдар Азатович

соискатель

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический
университет имени М. Акмуллы»,
город Уфа

***Аннотация.** В статье анализируется эволюция внешней политики СССР в период «хрущевской оттепели» 1950-х – начала 1960-х гг. Исследуется двойственный характер советской дипломатии, формировавшийся под влиянием смены идеологических установок, наличия ядерного оружия и усиления роли военно-промышленного комплекса. Рассматривается борьба внешнеполитических парадигм внутри советской элиты и стратегическая переориентация на поддержку деколонизации и стран «третьего мира». Освещаются ключевые дипломатические прорывы (нормализация отношений с ФРГ, Японией, Югославией) и кульминационные кризисы периода «холодной войны». Делается общий вывод о том, что, несмотря на идеологическую конфронтацию, именно в этот период были выработаны первые механизмы поиска компромиссов между сверхдержавами, обеспечившие стабилизацию биполярного мира.*

This article analyzes the evolution of Soviet foreign policy during the Khrushchev Thaw of the 1950 s and early 1960 s. It examines the dual nature of Soviet diplomacy, shaped by shifting ideological attitudes, the presence of nuclear weapons, and the growing role of the military-industrial complex. It examines the struggle between foreign policy paradigms within the Soviet elite and the strategic reorientation toward

supporting decolonization and Third World countries. Key diplomatic breakthroughs (the normalization of relations with West Germany, Japan, and Yugoslavia) and the culminating crises of the Cold War are highlighted. The overall conclusion is that, despite the ideological confrontation, it was during this period that the first mechanisms for finding compromises between the superpowers were developed, ensuring the stabilization of the bipolar world.

Ключевые слова: *внешняя политика СССР, «хрущёвская оттепель», «холодная война», военно-промышленный комплекс, ядерное сдерживание, страны «третьего мира», страны социалистического лагеря*

Keywords: *USSR foreign policy, Khrushchev thaw, Cold War, military-industrial complex, nuclear deterrence, Third World countries, socialist camp countries*

В истории Советского государства 1953 год стал переломным, и два события, произошедших практически одновременно, оказали глубокое и во многом противоречивое воздействие на последующую эволюцию международной стратегии Москвы. С одной стороны, смерть И. В. Сталина в марте 1953 г. открыла своеобразное «окно возможностей» для пересмотра устоявшихся догм, формирование нового внутривластного курса [19] и создала предпосылки для определённого смягчения идеологического давления на внешнеполитический дискурс. С другой стороны, успешное испытание термоядерного заряда в августе того же года существенно укрепило военно-стратегические позиции страны и одновременно усилило конфронтационную составляющую в отношениях с ведущими западными державами. Именно диалектическое взаимодействие этих двух факторов – либерализующего и конфронтационного – во многом предопределило двойственный характер советской дипломатии на протяжении всего последующего десятилетия.

Персональным воплощением более жёсткой, консервативной линии выступал В. М. Молотов, бессменно руководивший Министерством иностранных дел СССР вплоть до июня 1956 г. Его подход отличался приверженностью традиционным схемам биполярного противостояния и настороженным отношением к любым уступкам в адрес стран НАТО. В противоположность ему, приход на

пост главы внешнеполитического ведомства Д. Т. Шепилова ознаменовал собой попытку внедрить в дипломатическую практику элементы большей гибкости и идеологической открытости, что соответствовало духу «оттепельных» преобразований внутри страны.

Однако пребывание Д. Т. Шепилова в должности оказалось непродолжительным: уже 15 февраля 1957 г. его сменил А. А. Громыко [4, с. 499], при котором курс на сочетание прагматичного диалога с Западом и одновременно твёрдого отстаивания геополитических интересов Советского Союза приобрёл более системный и институционально закреплённый характер. Таким образом, кадровая ротация на посту министра иностранных дел в рассматриваемый период отражала не просто административные перестановки, а реальную борьбу двух конкурирующих внешнеполитических парадигм, каждая из которых претендовала на статус доминирующей.

Одним из определяющих сдвигов в механизме реализации внешнеполитического курса Советского Союза в рассматриваемый период стало постепенное выдвижение на первый план военно-промышленного комплекса как ключевого ресурса дипломатического давления и международного влияния. Под данным термином в отечественной и зарубежной политологической литературе понимается разветвлённая совокупность институциональных, организационных и экономических связей между государственными структурами оборонного профиля, вооружёнными силами, научно-исследовательскими учреждениями и промышленными предприятиями, деятельность которых направлена на производство, модернизацию и распределение средств вооружённой борьбы в интересах обеспечения национальной безопасности [7, 21]. В условиях нарастающего биполярного противостояния именно этот сектор превращался в главный рычаг, посредством которого Москва стремилась проецировать собственное влияние на периферийные регионы и одновременно сдерживать геополитических конкурентов.

Анализируя специфику международной обстановки послевоенного периода, нельзя не учитывать глубокую внутреннюю противоречивость так называемой «холодной войны». Условная «температурная» граница данного конфликта

проходила по линии внутриевропейского раздела сфер влияния: на континенте, где были сосредоточены основные группировки войск Организации Варшавского договора и Североатлантического альянса, прямое военное столкновение между сверхдержавами оставалось маловероятным благодаря взаимному ядерному сдерживанию. За пределами же европейского театра военных действий конфронтация приобретала принципиально иной, откровенно силовой характер. В регионах, которые ещё накануне Второй мировой войны входили в состав колониальных империй Великобритании, Франции и Нидерландов, идеологическое соперничество двух блоков неизбежно перерастало в вооружённые столкновения различного масштаба. Корейский кризис (1950–1953), Алжир, а впоследствии Вьетнам стали аренами, на которых локальные войны служили полигоном для испытания новых видов вооружений и проверки стратегических концепций обеих сверхдержав.

Характерной чертой подобных периферийных конфликтов являлось их двойственное измерение. На тактическом уровне боевые действия велись преимущественно с применением конвенциональных средств поражения – стрелкового оружия, артиллерии, бронетехники, авиации, – что влекло за собой колоссальные человеческие жертвы среди мирного населения и комбатантов. Вместе с тем на стратегическом уровне каждая из противоборствующих сторон – Советский Союз и его союзники, с одной стороны, и ведущие государства западного блока во главе с Соединёнными Штатами, с другой, – удерживала конфликт в ограниченных рамках, опираясь на доктрину ядерного устрашения. Наиболее наглядно эта логика взаимного сдерживания проявилась в октябре 1962 г., когда Карибский кризис поставил человечество на грань глобальной термоядерной катастрофы и одновременно продемонстрировал, что именно страх перед неконтролируемой эскалацией является тем предохранительным механизмом, который не позволяет локальным столкновениям перерасти в полномасштабную мировую войну [3, 25].

Начиная со второй половины 1950-х гг. конфигурация глобального политического пространства претерпевала существенные качественные изменения.

Процесс деколонизации, набравший беспрецедентные темпы после Второй мировой войны, породил на политической карте десятки новых суверенных государств, что принципиально расширило поле для маневрирования в международных отношениях [27]. В этих условиях высшее партийно-государственное руководство Советского Союза сделало стратегический выбор в пользу всемерного вовлечения в дела развивающихся регионов. Для реализации данного курса были мобилизованы практически все доступные ресурсы: дипломатический аппарат, промышленные мощности, научно-исследовательские учреждения и оборонный сектор. Масштабная поддержка оказывалась не только Китайской Народной Республике, но и широкому кругу государств так называемого «третьего мира» – Индии, Индонезии, Сирийской Арабской Республике, Объединённой Арабской Республике (Египту), Афганистану, Ирану и ряду других стран, вставших на путь некапиталистического развития или стремившихся сохранить дистанцию по отношению к западным блокам. Именно влияние Советского Союза стало одной из причин краха колониальной системы в 1940-е – 1960-е гг. [12].

Наиболее последовательно и концентрированно указанная геостратегическая установка была сформулирована в аналитической записке, направленной выдающимся советским дипломатом, академиком И. М. Майским на имя Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва и Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина 22 декабря 1955 г. В этом документе, ставшем своего рода программным манифестом нового внешнеполитического мышления, автор обосновывал тезис о том, что предстоящий этап глобального противоборства за утверждение социалистического миропорядка будет неразрывно связан с эмансипацией колониальных и полуколониальных народов от империалистической эксплуатации. По оценке Майского, именно на просторах Азии, Африки и Латинской Америки складывались наиболее благоприятные предпосылки для подобной борьбы, тогда как в индустриально развитых странах Запада объективные условия для революционного перелома ещё не созрели. При этом дипломат подчёркивал: утрата метрополиями контроля над зависимыми территориями неизбежно ускорит созревание предпосылок для торжества социалистических

идей сначала в Европе, а затем и в Соединённых Штатах [5, с. 36].

Тот факт, что данная записка не затерялась в потоке ведомственной переписки, а получила особую помету, свидетельствует о её значимости для узкого круга лиц, принимавших решения. На полях документа министр иностранных дел СССР В. М. Молотов собственноручно поставил резолюцию: «хранить в о[собой] папке» [5, с. 36], что в номенклатурной практике того времени означало отнесение материала к категории документов высшей степени секретности и стратегической важности.

Вместе с тем углубление вовлечённости Советского Союза в глобальное противостояние порождало ряд системных противоречий. Военно-политическое планирование и оборонные программы, традиционно окружённые завесой строгой секретности, всё в большей степени ускользали из-под действенного контроля со стороны политических институтов и гражданского общества. Следствием этого становилась непрерывная, а подчас и слабо мотивированная с точки зрения реальных внешнеполитических приоритетов гонка вооружений, которая вступала в очевидное противоречие с провозглашаемым курсом на разрядку международной напряжённости. В итоге именно военная мощь и объёмы военной технической помощи союзникам превратились в доминирующие, а нередко и самодостаточные инструменты советской внешней политики на всём протяжении холодной войны [20, с. 228-229].

Биполярная конфронтация между Североатлантическим альянсом и Организацией Варшавского договора, ядром которой служило соперничество двух сверхдержав – Соединённых Штатов Америки и Советского Союза, – оказывала разрушительное воздействие на внутренний потенциал последнего. Непомерные расходы на оборону и содержание военного аппарата систематически истощали ресурсную базу советской экономики, отвлекая средства от развития социальной инфраструктуры, жилищного строительства и потребительского сектора, что в долгосрочной перспективе ослабляло и международные позиции государства.

Тем не менее, 1953 г. ознаменовал собой начало кратковременного, но ощутимого потепления в системе международных отношений, связанного со

сменой высшего руководства в Москве. Уже в июле того же года при активном содействии и одобрении советской стороны было подписано Соглашение о перемирии на Корейском полуострове, положившее конец одному из наиболее кровопролитных локальных конфликтов раннего периода холодной войны [11, 26]. Параллельно Советский Союз предпринял шаги по нормализации отношений с рядом государств, с которыми контакты были ранее прерваны: в частности, были восстановлены дипломатические сношения с Государством Израиль, приостановленные в феврале 1953 г. на фоне так называемого «дела врачей» [28]. В рамках общей тенденции к снижению градуса территориальных претензий Грузинская и Армянская советские республики официально отказались от давних притязаний на ряд приграничных районов Турции. Наконец, Карело-Финская ССР, просуществовавшая в статусе союзной республики немногим более десяти лет, была преобразована в автономную республику и включена в состав РСФСР, что символизировало стремление нового руководства упростить административную структуру государства и снять потенциальные раздражители в отношениях с Финляндией [14, с. 330-331].

Одним из наиболее наглядных индикаторов трансформации внешнеполитического курса Советского Союза в середине 1950-х гг. стало его активное включение в деятельность ключевых международных организаций универсального характера. Так, например, 21 апреля 1954 г. Советское государство одновременно стало полноправным участником Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) [17] и Международной организации труда (МОТ) [30], что свидетельствовало о стремлении Москвы преодолеть многолетнюю самоизоляцию и встроиться в многосторонние форматы сотрудничества.

Четыре года спустя, в 1958 г., было возобновлено членство СССР во Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), из рядов которой страна ранее вышла. Подобные шаги не сводились к формальному дипломатическому жесту: они открывали дополнительные каналы для культурного обмена, научной кооперации и формирования более благоприятного образа советского государства в

глазах мирового сообщества.

Не менее существенным направлением нормализации международных связей стало урегулирование затяжного конфликта с Социалистической Федеративной Республикой Югославией. Сближение, наметившееся в мае 1953 г. после кончины И. В. Сталина и отстранения от власти наиболее жёстких сторонников разрыва с Белградом, увенчалось подписанием в июне 1955 г. совместной советско-югославской декларации [8]. Данный документ закреплял ряд принципиально новых для советской дипломатии постулатов: утверждалась идея о том, что мир является неделимым и не допускает иерархического деления на «свои» и «чужие» зоны ответственности; подчёркивалось, что мирное сосуществование государств не может ставиться в зависимость от идеологических расхождений или различий в социальном устройстве; провозглашалось неотъемлемое право каждого народа самостоятельно определять конкретные формы построения социалистического общества без внешнего диктата. Тем самым советское руководство де-факто признавало многовариантность социалистического развития и отказывалось от монополии на единственно верную модель.

Ключевую роль в инициировании и практическом осуществлении этих преобразований сыграл Н. С. Хрущёв, занявший пост Первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза в сентябре 1953 г. Именно с его именем связано понятие «оттепель» – символическое обозначение периода относительной либерализации, предшествовавшего XX съезду КПСС и в значительной мере подготовившего его. Сам съезд, состоявшийся в феврале 1956 г., стал рубежным событием в истории страны: на его заседаниях был официально разоблачён и осуждён культ личности И. В. Сталина, а в качестве стратегического ориентира провозглашён курс на поэтапную демократизацию общественно-политической жизни. Важно подчеркнуть, что установки на обновление не ограничивались исключительно политической сферой, а находили практическое продолжение в экономических реформах, направленных на децентрализацию управления народным хозяйством и повышение уровня жизни населения страны [18, с. 310].

Процессы внутренней демократизации закономерно проецировались и на сферу международных отношений, придавая советской внешней политике качественно новые черты. Дух обновления, затронувший все без исключения направления деятельности государства, проявился и в дипломатической практике. Характерно, что уже в январе 1954 г., то есть менее чем через двенадцать месяцев после смерти И. В. Сталина, в Берлине состоялось совещание министров иностранных дел четырёх ведущих держав – Соединённых Штатов, Великобритании, Франции и Советского Союза. Повестка этой встречи охватывала широкий спектр наиболее острых проблем послевоенного урегулирования: от ситуации в Индокитае и на Корейском полуострове до германского вопроса и перспектив формирования системы коллективной безопасности на европейском континенте. Сам факт созыва подобного форума после многолетнего перерыва в четырёхсторонних контактах свидетельствовал о готовности сторон искать компромиссы.

В мае 1955 г. был сделан ещё один важный шаг к снижению напряжённости в центре Европы: Советский Союз подписал Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии [23]. В соответствии с достигнутыми договорённостями между четырьмя державами-победительницами Москва обязалась вывести свои воинские контингенты с австрийской территории в обмен на обязательство Вены придерживаться строгого постоянного нейтралитета. Тем самым был создан прецедент добровольного отказа от военной оккупации в пользу политического урегулирования, что радикально отличалось от логики жёсткого биполярного противостояния предшествующих лет.

Логическим продолжением этой тенденции стала Женевская встреча на высшем уровне, состоявшаяся в июле 1955 г. и собравшая лидеров четырёх великих держав. Атмосфера данного саммита оказалась настолько конструктивной и доверительной по сравнению с предшествующими годами взаимных обвинений, что в мировой прессе закрепилось выражение «дух Женевы», ставшее символом потепления глобального политического климата. Центральное место в повестке совещания занимали тесно переплетённые между собой германская проблема и вопрос о гарантиях европейской безопасности. В качестве жеста доброй

воли, призванного продемонстрировать серьёзность намерений советской стороны, правительство СССР приняло решение о репатриации всех оставшихся на территории Советского Союза немецких военнопленных [13, с. 377-378]. Этот шаг имел не только гуманитарное, но и значительное политическое значение, поскольку создавал более благоприятный фон для переговоров о будущем единого германского государства и общеевропейской системе безопасности.

Одним из наиболее значимых дипломатических прорывов рассматриваемого периода стало урегулирование отношений между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германией. В сентябре 1955 г. Москву с официальным визитом посетил федеральный канцлер К. Аденауэр, в ходе которого стороны достигли принципиальной договорённости о формальном прекращении состояния войны, сохранявшегося на протяжении целого десятилетия после капитуляции вермахта, а также об установлении полноценных дипломатических отношений [15]. Этот шаг имел далеко идущие последствия: он не только легитимизировал существование двух германских государств в системе послевоенных координат, но и открыл канал для последующего диалога по широкому кругу вопросов европейской безопасности. Аналогичный процесс нормализации затронул и дальневосточное направление: в октябре 1956 г. была подписана совместная советско-японская декларация, положившая конец состоянию войны между двумя государствами.

В рамках договорённостей с Токио советская сторона пошла на целый ряд существенных уступок. Москва в одностороннем порядке отказалась от любых репарационных требований к Японии, дала согласие на репатриацию японских граждан, осуждённых советскими военными трибуналами и отбывавших наказание в лагерях на территории СССР, а также поддержала заявку японского правительства о приёме страны в члены Организации Объединённых Наций. Кроме того, в тексте декларации содержалось обязательство Советского Союза в случае заключения полноформатного мирного договора передать Японии два острова Малой Курильской гряды – Хабомаи и Шикотан [9]. Однако реализация данного положения оказалась заблокированной в силу комплекса обстоятельств: во-

первых, в 1960 г. было заключено новое японо-американское соглашение о безопасности, которое советское руководство расценило как усиление военной инфраструктуры «вероятного противника» в непосредственной близости от дальневосточных рубежей; во-вторых, японская сторона выдвинула дополнительные территориальные претензии, распространив их на острова Кунашир и Итуруп; в-третьих, в японском общественно-политическом дискурсе усилились антирусские настроения, что делало компромисс политически невозможным [14, с. 330-331].

Принципиальное значение для переосмысления стратегии внешнеполитического курса имели документы XX съезда КПСС, на котором значительное внимание было уделено анализу международной обстановки и долгосрочных перспектив мирового развития. В решениях съезда были сформулированы два концептуально новых тезиса: во-первых, утверждалась принципиальная возможность предотвращения новой мировой войны в условиях ядерного паритета; во-вторых, признавалось многообразие форм и путей перехода различных стран к социалистическому строю, что отходило от прежней догмы об единственно верной модели. Практическим выражением новой линии на «примиренчество» с государствами Запада и терпимость к внутриблоковым различиям стал роспуск в апреле 1956 г. Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформа) – структуры, которая на протяжении предшествующих лет ассоциировалась в восприятии мирового сообщества со «штабом мировой революции» и инструментом прямого диктата КПСС в отношении «братских» компартий [2].

Отношение советского руководства к государствам социалистического содружества в рассматриваемый период характеризовалось внутренней противоречивостью и отсутствием единой, логически выстроенной доктрины, что неизбежно порождало нестабильность на всём пространстве «восточного блока». С одной стороны, ключевые решения XX съезда КПСС, состоявшегося в феврале 1956 г., содержали принципиально новый идеологический посыл: признавалась возможность многовариантности путей построения социализма с обязательным

учётом национально-исторической специфики, культурных традиций и экономических условий каждой отдельно взятой страны. Данная установка, формально открывавшая пространство для суверенного выбора моделей развития, на практике немедленно трансформировалась в масштабные кадровые перестановки в руководстве Польской Народной Республики и Венгерской Народной Республики, где на смену прежним элитам, ассоциировавшимся с жёстким сталинским диктатом, пришли политики нового поколения, стремившиеся проводить более самостоятельный внутри- и внешнеполитический курс.

С другой стороны, последовательный отход от прежних, сталинских принципов организации межпартийных и межгосударственных отношений повлёк за собой серьёзные осложнения на внешнеполитическом фронте, наиболее ощутимые из которых проявились в сфере отношений с Китайской Народной Республикой. Пекин расценил десталинизацию как ревизию фундаментальных устоев марксистско-ленинской теории и практики, что заложило основу для постепенного углубления идеологического и политического раскола между двумя крупнейшими социалистическими державами, окончательно оформившегося к началу 1960-х гг. [10, 22].

Вместе с тем, декларируя право на многовариантность социалистического строительства, советское руководство одновременно устанавливало чёткие и жёсткие пределы допустимой самостоятельности для стран «восточного блока». Границы этой самостоятельности были наглядно продемонстрированы трагическими событиями в Венгрии осенью 1956 г. То, что началось как массовые выступления за демократизацию и национальную независимость, в октябре – ноябре 1956 г. переросло в вооружённое противостояние, поставившее под вопрос саму принадлежность страны к социалистическому лагерю. По сути, это выступление превратилось в антисоциалистический мятеж, а в ряде случаев с элементами фашистского оттенка [29]. Это объясняет то, что реакция Москвы на венгерский кризис оказалась предельно однозначной: советское руководство, не ограничившись политическим и дипломатическим давлением, санкционировало введение воинских контингентов для подавления выступления и физического

устранения представителей оппозиционных сил, квалифицированных как «контрреволюционные» и «антисоциалистические». Таким образом, венгерские события стали наглядным подтверждением того, что любые попытки выхода за рамки, определённые советским Политбюро, будут пресекаться с применением военной силы, а декларируемый суверенитет социалистических государств оставался условным и строго лимитированным интересами сохранения геополитической целостности блока.

Кубинский вектор внешней политики СССР в период «хрущёвской оттепели» представляет собой один из самых драматичных и парадоксальных эпизодов холодной войны. Появление социалистического государства в Западном полушарии, в непосредственной близости от границ США, стало для Москвы не только идеологическим триумфом, но и колоссальным геополитическим вызовом. Отношения между Никитой Хрущёвым и Фиделем Кастро вышли далеко за рамки стандартного межгосударственного диалога, превратившись в сложное переплетение прагматизма, идеологического романтизма и глубоких личных симпатий, и обид. Для СССР Куба была инструментом глобального торга с США и демонстрации преимуществ социализма; для Кубы альянс с Москвой являлся экзистенциальным условием сохранения суверенитета и революционного строя. Отношения Хрущёва и Кастро доказывают, что в период «оттепели» субъективный фактор, эмоциональные симпатии и психологические травмы лидеров (особенно в ходе Карибского кризиса) оказывали прямое влияние на архитектуру международной безопасности.

Карибский кризис, нанеся тяжелейшую психологическую травму советско-кубинскому доверию, парадоксальным образом сделал альянс нерушимым. Москва взяла на себя негласные обязательства по гарантии безопасности острова, что определило вектор развития Карибского бассейна и стран Латинской Америки на последующие три десятилетия [6, 16].

Начиная с 1955 г., советское руководство последовательно выступало с публичными призывами к прекращению гонки вооружений и созыву всемирной конференции по данной проблематике. В качестве демонстрации серьёзности

миролюбивых намерений Советский Союз предпринял масштабное одностороннее сокращение численности собственных Вооружённых сил. Если на начало 1955 г. советская армия насчитывала порядка 5,8 млн военнослужащих, то к декабрю 1959 г. этот показатель был доведён до 3,6 млн человек [1, с. 16-33], то есть личный состав уменьшился почти на сорок процентов. В рамках данной демобилизации были ликвидированы советские военно-морские базы в Порккала-Удд на территории Финляндии и в Порт-Артуре в Китайской Народной Республике, осуществлён полный вывод воинских контингентов из Австрии и Румынии, а численность советских групп войск, дислоцированных в Венгрии, Германской Демократической Республике и Польше, была существенно сокращена. В 1960 г. было объявлено о новом этапе значительного сокращения Советской Армии. По оценкам западных аналитических центров, минимальная численность вооружённых сил СССР составила около 3 млн человек и была зафиксирована к июлю 1961 г. [1], однако последовавший Берлинский кризис вынудил Москву вновь нарастить военный потенциал.

Весной 1958 г. Советский Союз в одностороннем порядке приостановил испытания термоядерного оружия, что стало важным сигналом в адрес международного сообщества. Дополнительным фактором снижения глобальной напряжённости выступало планомерное расширение внешнеэкономических связей: к концу 1950-х гг. СССР поддерживал торговые отношения на основе двусторонних договоров более чем с 70 государствами мира, включая не только социалистические страны, но и ряд капиталистических и развивающихся государств.

Подводя итог анализу внешнеполитической деятельности Советского Союза в рассматриваемый период, следует констатировать, что, хотя глобальное противостояние двух систем продолжалось, были предприняты реальные, хотя и ограниченные, попытки трансформировать саму логику конфронтации и снизить её интенсивность. Наряду с институциональным оформлением военно-политического блока европейских социалистических государств в виде Организации Варшавского договора, призванной противостоять Североатлантическому альянсу, советское руководство выдвинуло серию масштабных инициатив в сфере

разоружения, используя в качестве аргумента беспрецедентные по объёму односторонние сокращения вооружённых сил. Тем не менее, адекватного встречного отклика со стороны западных партнёров эти предложения не получили. Причины подобного положения дел были двоякими: с одной стороны, значительная часть советских проектов носила преимущественно декларативный характер и не подкреплялась механизмами верификации; с другой стороны, уровень доверия к Москве со стороны западных столиц резко снизился после прямого военного вмешательства советских войск в подавление венгерского мятежа осенью 1956 г., что серьёзно дискредитировало риторику мирного сосуществования в глазах мирового общественного мнения.

Не менее острым испытанием для системы международных отношений стал Берлинский кризис 1961 г., кульминацией которого стало возведение стены между Западным и Восточным Берлином, ставшей зримым символом раскола Европы и идеологического противостояния двух блоков. Вслед за этим последовал Карибский ракетный кризис октября 1962 г., который поставил человечество на грань глобальной ядерной катастрофы и довёл уровень конфронтации между Советским Союзом и Соединёнными Штатами до беспрецедентной остроты. Вместе с тем именно этот кризис, несмотря на всю его опасность, имел и конструктивные последствия: он предоставил обоим правительствам бесценный опыт взаимодействия в условиях жёсткого столкновения интересов и позволил выработать первичные механизмы поиска компромиссов, включая создание прямой линии связи между Кремлём и Белым домом. После этой кульминационной точки «холодной войны» наметился медленный, но устойчивый процесс нормализации отношений между Востоком и Западом. В целом к середине 1960-х гг. произошла определённая стабилизация послевоенного миропорядка и снижение уровня международной напряжённости, что создало предпосылки для перехода к новому этапу взаимоотношений между двумя сверхдержавами.

Список литературы

1. Абрамова Ю. А. Незавершённая реформа Н. С. Хрущёва: преобразования вооружённых сил СССР в 1953-1964 гг. / Ю. А. Абрамова / Вестник

Московского государственного областного университета. – 2011. – № 4. – С. 16-33.

2. Алдашов А. Н., Мокшанцева А. И. Хрущевская оттепель: некоторые аспекты внешней политики СССР середины 50-х – начала 60-х гг. XX в. / А. Н. Алдашов, А. И. Мокшанцева / Духовный мир мусульманских народов: материалы Международной научно-практической конференции, XVI Акмуллинские чтения. – Уфа, 2021. – С. 90-94.

3. Андроник А. Р. В преддверии ядерной катастрофы: Карибский кризис в воспоминаниях современников / А. Р. Андроник / Научный форум. Сибирь. – 2016. – Т. 2. – № 1. – С. 38-40.

4. Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917 – 2004. – М., 2006. – С. 499. – 816 с.

5. Безбородов А. Б. Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50 – середины 70-х годов / А. Б. Безбородов. – М., 1997. – 214 с.

6. Дергачева В. Е., Чернышов Ю. Г. Карибский кризис в политике памяти СССР (России) и США: сравнительная характеристика / В. Е. Дергачева, Ю. Г. Чернышов / Известия Алтайского государственного университета. – 2020. – № 6 (116). – С. 22-28.

7. Добровольский Л. В. Военно-промышленный комплекс СССР в обеспечении его безопасности, развитии экономики и внешней торговли в годы Холодной войны / Л. В. Добровольский / Московский экономический журнал. – 2024. – Т. 9. – № 1.

8. Клевцевич П. В., Недбайло Б. Н. Военно-политические аспекты сотрудничества СССР и Югославии в ходе нормализации двусторонних связей (1953 – середина 1956 гг.) / П. В. Клевцевич, Б. Н. Недбайло / Военный академический журнал. – 2020. – № 1 (25). – С. 148-154.

9. Кузьминков В. В., Павлятенко В. Н. Истинный смысл Совместной советско-японской декларации 1956 г. / В. В. Кузьминков, В. Н. Павлятенко / Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – № 5. – С. 63-78.

10. Ли Фэнлинь. Историческое прошлое китайско-советских отношений и

будущее китайско-российских отношений / Фэнлинь Ли / Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – № 1. – С. 106-115.

11. Маметьев И. В. Итоги корейской войны 1950-1953 гг. в отечественной историографии / И. В. Маметьев / Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2018. – № 2 (66). – С. 129-133.

12. Молодых Л. Л. Значение СССР в борьбе развивающихся стран за НМЭП / Л. Л. Молодых / Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2011. – Т. 2. – № 3. – С. 153-158.

13. Мунчаев Ш. М., Устинов В. М. История России. Учебник для вузов / Ш. М. Мунчаев, В. М. Устинов. – М., 1998. – 592 с.

14. Новейшая история Отечества. XX век. Под ред. А. Ф. Киселёва, Э. М. Щагина. – М., 1998. – 446 с.

15. Новик Ф. И. Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ (сентябрь 1955 г.) / Ф. И. Новик / Труды Института российской истории. – 2009. – № 8. – С. 231-251.

16. Павленко О. В. Карибский кризис в контексте советско-американского переговорного процесса во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов / О. В. Павленко / Новый исторический вестник. – 2023. – № 2 (76). – С. 6-25.

17. Пермякова Л. Г. Из истории развития взаимоотношений России и ЮНЕСКО: советский период / Л. Г. Пермякова / Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – № 2 (18). – С. 129-132.

18. Политическая история российского государства: Учебник для вузов / Ш. М. Мунчаев, В. М. Устинов, А. А. Чернобаев; под ред. проф. Ш. М. Мунчаева. – М., 1998. – 487 с.

19. Попов Н. М. Причины изменения политического курса СССР в середине 50-х годов XX столетия / Н. М. Попов / Наука и Образование. – 2021. – Т. 4. – № 2.

20. Россия XX век. Документы и материалы: Учеб. Пособие: В 2 кн. / Сост.: А. Н. Баничин, А. Б. Безбородов, И. В. Безбородова. Кн. 2. – М.: 2004. – 518 с.

21. Сахнов Д. И. Совет обороны СССР в системе обеспечения безопасности государства / Д. И. Сахнов / Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. – 2023. – № 4 (34). – С. 333-336.
22. Се Г., Сунь Ц. Цивилизационно-идеологический конфликт на фоне советской помощи Китаю в 1950-1960-х гг. / Г. Се, Ц. Сунь / Социально-политические исследования. – 2024. – № 1 (22). – С. 120-140.
23. Сорокин А. Н. Государственный договор 1955 года и становление экономических взаимоотношений СССР и Австрии / А. Н. Сорокин / Новый исторический вестник. – 2022. – № 2 (72). – С. 46-71.
24. Стыкалин А. С. Венгерский кризис осени 1956 г. и дискуссии в ООН / А. С. Стыкалин / Славяноведение. – 2022. – № 3. – С. 32-51.
25. Феклисов А. С. Карибский ракетно-ядерный кризис / А. С. Феклисов / Историческая психология и социология истории. – 2012. – Т. 5. – № 2. – С. 181-207.
26. Шарафетдинова А. И. Корейская война 1950-1953 гг. / А. И. Шарафетдинова / Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». – 2023. – № 12.
27. Энтин М. Л., Энтина Е. Г., Торкунова Е. А. Новый этап деколонизации: от формальной суверенности к реальной / М. Л. Энтин, Е. Г. Энтина, Е. А. Торкунова / Полис. Политические исследования. – 2019. – № 1. – С. 124-135.
28. Эпштейн А. Д. Андрей Громыко и советско-израильская дипломатия в период отсутствия двусторонних дипломатических отношений, 1967–1985 гг. / А. Д. Эпштейн / Уральское востоковедение: международный альманах. Екатеринбург: [Изд-во Урал. ун-та], 2015. – Вып. 6. – С. 136-153.
29. Яковец Е. Н. Венгерские события 1956 г.: была ли альтернатива силовому решению проблемы? / Е. Н. Яковец / Военно-юридический журнал. – 2021. – № 9. – С. 15-18.
30. Яшкина З. И. Международная организация труда: история становления и развития / З. И. Яшкина / Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 55-5. – С. 90-92.

УДК 94:902:80

ТРИ ПРАВИТЕЛЯ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА: ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ И СКИФО-САРМАТСКИЕ НАДПИСИ

Рябчиков Сергей Викторович

генеральный директор

НКО «Фонд Сергея Рябчикова – Исследовательский центр

по изучению древних цивилизаций и культур»,

г. Краснодар

Аннотация. Автор исследует тексты, относящиеся к трем царям Боспорского царства: Евпатору, Рескупориду III и Котису II. В качестве дополнительного материала, изучены скифо-сарматские надписи, которые позволяют уточнить данные мифологии и древней истории.

Ключевые слова: Табити, Ма, Афродита, Сослан, древние греки, скифы, сарматы, синды, меоты, тавры, мифология, древняя история, Боспорское царство

Abstract. The author studies the texts related to the three rulers of the Bosporan kingdom: Eupator, Rhescuporis III and Cotys II. As an additional material, the Scytho-Sarmatian inscriptions have been investigated which make it possible to clarify the data on the mythology and ancient history.

Keywords: Tabiti, Ma, Aphrodite, Soslan, Greeks, Scythians, Sarmatians, Sindians, Maeotians, Taurians, mythology, ancient history, the Bosporan kingdom

Автор изучает многочисленные скифо-сарматские надписи, которые были составлены как с помощью собственной системы письма, так и с помощью греческого алфавита [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 33]. Мы продолжаем наше исследование.

1. Рассмотрим древнегреческую надпись о боспорском царе Евпаторе

(154/155 – 170/171 гг.) из античного Танаиса (Ростовская область).

«В добрый час. Богу высочайшему. В царствование царя Тиберия Юлия Евпатора, друга цезаря и друга римлян, благочестивого ... сын Патия ... ставший ... фиаситов, поставил этот памятник, написав на нем их имена. Как написано ниже (?) ... эллинарх? ... сын Деметрия; синагог ..., сын Дада; филагаф ..., сын Менестрата; парафилагаф ... сын Эвноика; гимнасиарх ... сын Менестрата; не-анискарх ..., сын Христиана; ... и остальные фиаситы ...; Юлиад ...» [7, КБН 1260a].

Рассмотрим плиту с царским знаком Евпатора с Таманского полуострова (Краснодарский край) [30, с. 51-52, № 3], см. рис. 1.

Рис. 1 - Надпись царя Евпатора

Здесь изображены две Ники, причем к венке левой фигуры присоединен символ молнии. Таким образом, перед нами эмблема «бога высочайшего» (бога грома). В этом контексте слово «Ника» (имя богини победы) можно прочесть как «победа» ($\nu\epsilon\iota\kappa\eta$, $\nu\iota\kappa\eta$) или «дарующий победу» ($\nu\epsilon\iota\kappa\eta\phi\omicron\rho\omicron\varsigma$, $\nu\iota\kappa\eta\phi\omicron\rho\omicron\varsigma$), а все высказывание переводим как «бог высочайший, (дарующий) победу».

Подобный текст имеется в корпусе боспорских надписей из г. Керчи (Крым): «За победу за скифами потомка царей ... великого царя Боспора Савромата, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, Парфенокл, Прим (?) и

Антимах, начальники ... богам, дарующим победу, (посвятили) в ... году, месяца Горпииея» [7, КБН 32].

2. Рассмотрим древнегреческую надпись, относящуюся к боспорскому царю Рескупориду III (233/234 – 234/235 гг.), из г. Керчи.

«Тиберия Юлия, царя Савромата (его статую), Тиберий Юлий, царь всего Боспора и окрестных племен, Рескупорид, друг цезаря и друг римлян, благочестивый, (поставил)» [7, КБН 56].

Рассмотрим плиту с царским знаком Рескупорида III из г. Керчи [2, с. 157, рис. 1], см. рис. 2.

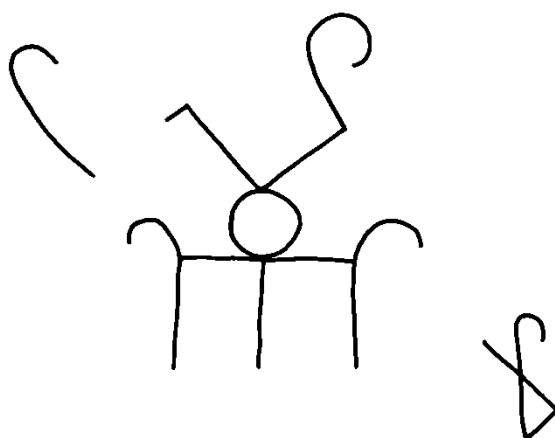

Рис. 2 - Надпись царя Рескупорида III

Этот текст читается следующим образом:

76 33-«круг»-«трезубец» 45. – *Pa Pe-c(o)-куп- де.* – Благочестивый (благодетель отечества; солнечный) Рескупорид III умер».

Словарь скифо-сарматского языка

Pa – «Солнце; солнечный». Ср. древнеиндийские *ra* – «яркость», *ravi* – «Солнце», русское *рано* с неясной этимологией, древнеабхазское **pa* – «Солнце» [1, с. 22].

Pe-co-куп- – «Рескупорид III».

Де – «умереть» (ср. скифо-сарматское *да* – «жара», древнеиндийские *da* – «жара», *dah* – «гореть», древнеиранское («Авеста») *dahma* – «место, где помещен покойник»).

3. Рассмотрим древнегреческую надпись из г. Керчи, относящуюся к

боспорскому царю Котису II (123/124 – 132/133 гг.).

«За победу за скифами царей царей Тиберия Юлия Котиса, друга цезаря и друга римлян, благодетеля отечества, наварх Трифон, сын Аполлония, в 420 году [123 г. н.э.], в месяце Даисии, 27-го числа (посвятил)» [7, КБН 33].

Рассмотрим сосуд с царскими знаками Котиса II из Крыма [28, с. 285, рис. 628], см. рис. 3.

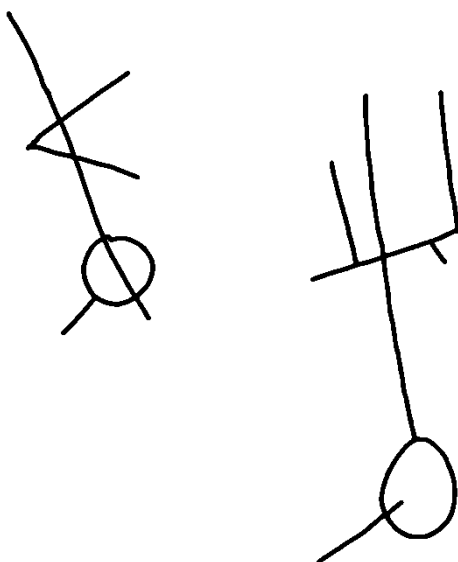

Рис. 3 - Надпись царя Котиса II

Этот текст читается следующим образом:

«Круг» (*Pe-co*) 77 «круг» (*pe-co*)-«трезубец» (*куп-*). – «Котис II из Рескупоридов».

Словарь скифо-сарматского языка

«Круг» (*Pe-co*) или «круг» (*Pe-co*) «трезубец» (*куп-*) – «из Рескупоридов».

Ка- (*Ко-*) – «Котис II».

ПРИЛОЖЕНИЕ: Перекрестные чтения знаков

1. Рассмотрим изображение на стене культового здания Неаполя Скифского в Крыму [3, с. 176, рис. 1, II], см. рис. 4. Здесь показана богиня с двумя зеркалами. Она сияет как Солнце. Справа находится краткая надпись.

Этот текст читается следующим образом:

59-72 33 75 09. – *Табе (Tane) Ра весе.* – «(Богиня) Табити-Солнце знает (ведает)» [9, с. 3].

Словарь скифо-сарматского языка

Табе (Tane) – «(Богиня Солнца и огня) Табити». Ср. древнеиндийское *tap* – «печь (о Солнце); греть; нагревать», русское *тепло*.

Весе – «знать; ведать». Ср. древнеиндийское *vedyā, vidyā* – «знание», русские *ведьма, ведать*. Ср. чередования звуков *s/t* в индоевропейских языках.

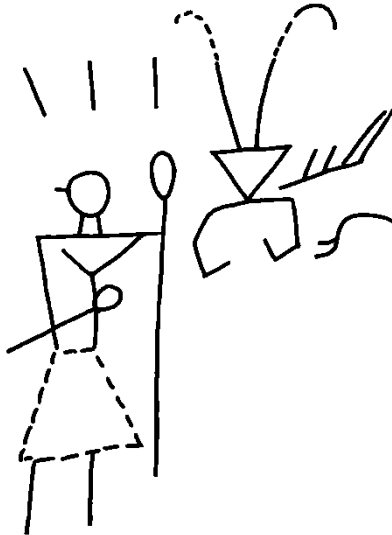

Рис. 4 - Богиня с зеркалами

2. Рассмотрим боспорскую стелу из Крыма [6, илл. 75], ср. рис. 5.

Рис. 5 - Богиня Ма-Афродита на троне

На первом ярусе изображена богиня Солнца и огня (богиня Афродита) на

троне; она обозначена при помощи скифо-сарматского знака **80 Ma**. Возле трона находится служанка. К богине прибыл покойник в образе бога-громовержца верхом на коне вместе со вторым конем для участия в обряде «свадьба-смерть». На втором ярусе обозначена та же богиня, которая была связана с режущим предметом, ср. скифское *акинак*- – «меч», что означает буквально (*аки-/аги- нак-/наг-*) «режущий огонь».

Важно отметить, что в древнегреческой надписи из Крыма, относящейся к правлению боспорского царя Савромата II, начертано имя этой богини – МА, т.е. *Ma* [7, КБН 74].

Богиня *Ma* (Табити; Рата или Рада, Ага или Яга и т.д.) – это женская ипостась бога огня Агни, ср. скифо-сарматское *ма* – «Солнце; солнечный; солнцестояние; огонь; погребальный костер» [9, 10, 13, 14, 16, 20, 22, 26].

3. Рассмотрим точильный камень из некрополя боспорского поселения Займо-Обрыва I (Ростовская область) [32, р. 190, fig. 2, 1], см. рис. 6.

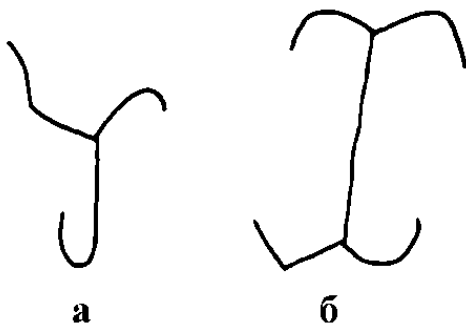

Рис. 6 - Эпитеты богини Солнца

Первая надпись читается так: **76 33** – *ра-ра* – «яркое Солнце».

Вторая надпись читается так: **80-80** – *Ma-Ma* – «яркое Солнце; великая (богиня) *Ma*».

Очевидно, что великая богиня *Ma* играла важную роль в военном деле Боспора.

4. Рассмотрим фрагмент текста на статуе льва № 1 из античной Ольвии (Николаевская область) [5, табл. XLIV], см. рис. 7.

Этот текст читается следующим образом:

12 «птица» **08-80 77-76 77-76 59** «линия» «грифон». – *Со* «птица», *а-Ma*,

гара, гара та «относящийся» «грифон». – «Это громовая птица, она приближается к (солнечной богине) *Ма*, это два огненных грифона».

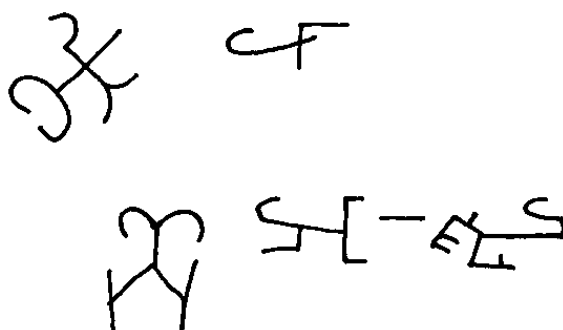

Рис. 7 - Грифон из Ольвии

Словарь скифо-сарматского языка

Со – «Солнце; сияние». Ср. древнеиндийское *chāya* – «Солнце; свет». Ср. *Со-Со* – «Яркое Солнце; яркое сияние», ср. также *Сослан* (<*Со-Со алан*) – герой нартского эпоса осетин. Ср. имя *Со* (*Со-Со*) бога грома и Солнца.

А – «приближавшийся», ср. древнеиндийское *ā* – «приближавшийся».

Гар- – «гореть, светить, жечь; огонь, свет, жара», ср. древнеиндийские *gharma* – «жара; тепло; солнечное сияние», *garj* – «греметь», русские *гореть, жара*. Ср. также древнегреческое *γρυψ* – «грифон» с неясной этимологией <скифо-сарматское выражение *г(а)р- Пе- (Пай)* – «бог грозы светит (горит)».

Та – «свет; блеск; яркость; огонь; пламя», ср. скифо-сарматское *ТА (та)* при помощи букв греческого алфавита, ср. [33, с. 9]. Ср. древнеиндийское *tejas* – «свет; блеск; яркость; огонь; пламя».

5. Рассмотрим граффито на фрагменте сосуда из боспорского поселения Красноармейского (Краснодарский край) [28, с. 312, рис. 205], см. рис. 8.

Здесь представлена такая сцена. Покойник-герой оказался в доме, украшенной головой петуха (ср. русское сказочное упоминание об «избушке на курьих ножках»), в котором находятся три солярных богини. Первая из них держит в руке ритон со священным напитком – сомой (вино с медом). Вторая богиня имеет в руках два зеркала (см. рис. 4). Третья богиня связана с помелом, которое также упоминается в русских народных сказках: это обозначение ритуальной чистоты. Это три состояния богини Яги (Бабы-Яги), иначе это женская ипостась

бога огня Агни, которая в скифо-сарматском мире была известна как солярные богини Табити, Аргимпаса и Апи по «Истории» (IV: 59) Геродота.

Словарь скифо-сарматского языка

Табити – «Нагревающая». Ср. древнеиндийское *tap* – «печь (о Солнце); греть; нагревать», русское *тепло*.

Аргимпаса (*Ар- гим- паса*) – «(Переход) к лету (Солнцу) от зимы – скот». Ср. древнеиндийские *aruṇa*, *arka* – «Солнце», *hima* – «зима», *raśi* – «скот».

Апи – «Воды». Ср. древнеиндийское *ap* – «вода».

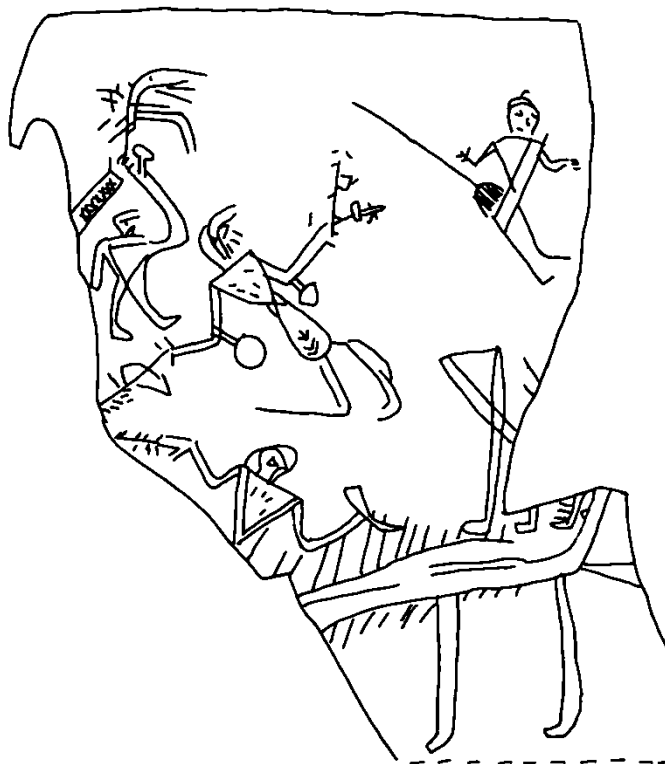

Рис. 8 - Три солярные богини

6. Рассмотрим скифо-сарматский текст (см. рис. 9) к древнегреческой надписи [7, КБН 79; 8, КБН – альбом 79] на стеле из г. Керчи о Логоне.

Этот скифо-сарматский текст читается следующим образом:

59-80 12-12 59-80 80 12 «молния» «линия» **12** «углубление» **12** «линия» **59-80**. – *Тама Со-Со. Тама Ма, Со.* «Линия» «молния». *Со Логон* «линия» *Со. Тама.* – «(Бог) *Со-Со* (и) темнота (= смерть). (Богиня) *Ма*, (бог) *Со* (и) темнота (= смерть). Логон (в образе бога) *Со* – молнии. Темнота (= смерть)».

Словарь скифо-сарматского языка

Тама – «темнота», ср. скифо-сарматское ТМ (*тама*) при помощи букв греческого алфавита, ср. [33, с. 9]. Ср. древнеиндийское *tama* – «темнота».

Лог – «ложе», ср. древнегреческое *λεχος* – «ложе».

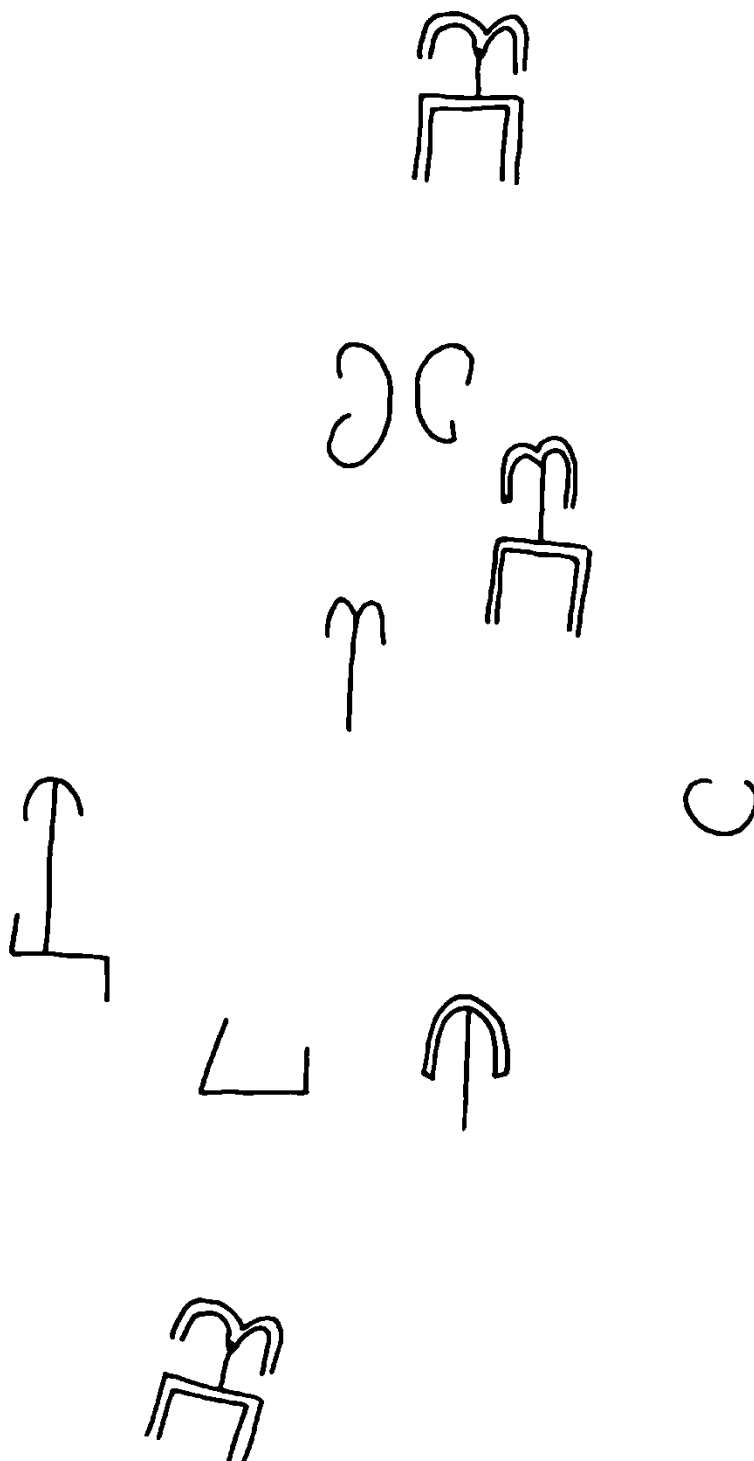

Рис. 9 - Имена на стеле

7. Рассмотрим скифо-сарматский текст (см. рис. 10, *a*) к древнегреческой надписи [7, КБН 298; 8, КБН – альбом 298] I в. до н.э. на стеле из г. Керчи: «...

(такой-то), сын Бистия, прощай».

Этот скифо-сарматский текст читается следующим образом:

80 26 *Ma ru* – «(Солнечная богиня) *Ma* разгромила (врагов)».

Словарь скифо-сарматского языка

Ру – «война; битва; режущий; рубящий; разбивать на куски», древнеиндийское *ru* – «война; битва; режущий; рубящий; разбивать на куски».

Согласно «Географии» (VII: 4, 6) Страбона, боспорский правитель Асандр построил стену с башнями на перешейке у античного Херсонеса. Видимо, (такой-то), сын Бистия, состоял в войске Асандра.

8. Рассмотрим скифо-сарматский текст (см. рис. 10, б) к древнегреческой надписи [7, КБН 400; 8, КБН – альбом 400] на стеле из г. Керчи о Мастусе.

Этот скифо-сарматский текст читается следующим образом:

12 «Луна» 45. – *Со Мас- де.* – «Мастус (в образе бога) *Со* умер».

Словарь скифо-сарматского языка

Мас – «Луна», ср. древнеиндийское *mās* – «Луна».

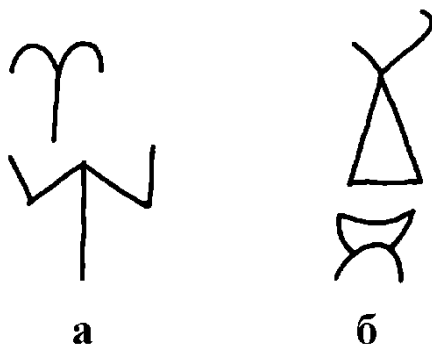

Рис. 10 - Имена на стелах

9. Рассмотрим сарматский амулет из Венгрии [31, Abb. 1], см. рис. 11.

Здесь читаются такие словосочетания:

1) Блок **12** «дерево» – «(бог) *Со* (= *Со-со* = *Сослан*) (и) дерево с четырьмя ветвями».

2) Блок **12 76** «конь» – «(бог) *Со* (= *Со-со* = *Сослан*) на солнечном коне».

3) Блоки **72-76** и **72-33** читаются *Пера* (бог грозы), ср. древнеиндийское *Parjanya* (*Par jan ya?*) – «бог дождевой тучи» (эпитет бога Индры), хеттские *Peruwa*, *Perwa*, *Pirwa* – «бог войны», скифское *Папай* (*Пай-Пай*; *Пе-Пе*) – «бог

неба», древнерусское *Перун* – «бог-громовержец» и литовское *Perkunas* – «бог-громовержец»; ср. индоевропейскую основу **per-* – «ударить» < **pe-r-* – «ударить».

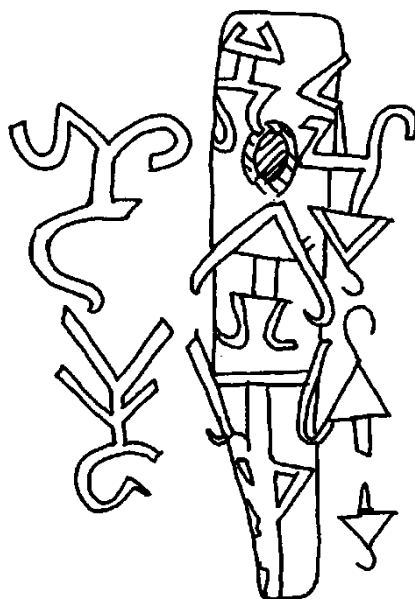

Рис. 11 - Надпись из Венгрии

Согласно осетинской мифологии, Сослан однажды отправился в царство мертвых, нашел там целебные листья Аза-дерева, затем вернулся с ними на землю и посадил их с четырех сторон башни, в которой этот герой жил вместе с Ацырухс, дочерью солнечного бога Хура [4, с. 12].

10. Рассмотрим фрагмент текста на статуе льва № 1 из античной Ольвии [5, табл. XLIV], см. рис. 12.

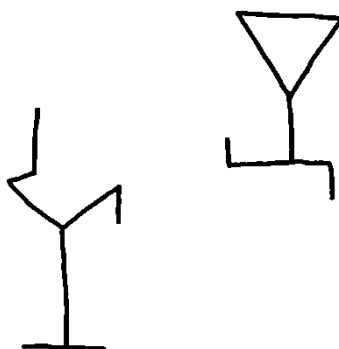

Рис. 12 - Имя бога грозы

Этот текст читается следующим образом:

01-33 «молния» **72.** – *Дара Пе (Пай).* – «(Бог)-громовержец дарует (всякие блага, в том числе победу над врагами)».

Словарь скифо-сарматского языка

Дара – «давать; дарить», ср. древнеиндийское *dā* – «давать; дарить», *dhā* – «давать», древнегреческое *δωρον* – «дар».

11. Рассмотрим изображение скифо-сарматской богини Табити на плите с Таманского полуострова [29, с. 25, рис. 4], см. рис. 13.

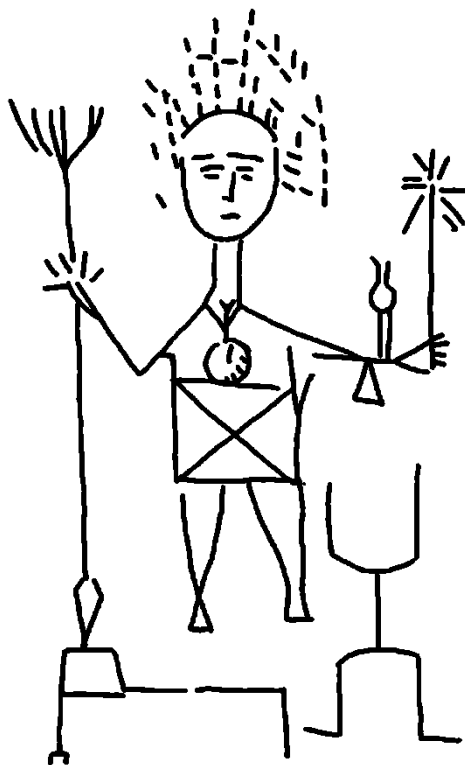

Рис. 13 - Имя богини Табити

Здесь изображена богиня, в правой руке которой находится копье, а в левой руке – восьмиконечная звезда (знак Солнца), аналогичный звезде на боспорских монетах. На этой фигуре изображен квадрат (прямоугольник) – солярный символ, в который вставлен знак «косой крест» *ай*. Над ними находится знак «круг» со скифо-сарматским знаком **33** *Pa* – «Солнце». Справа от фигуры и к ее левой руке находятся скифо-сарматские знаки **33 59-72** *Pa Табе (Tane)* – «Солнце – (богиня Солнца и огня) Табити». Кроме того, на левой руке фигуры находится знак светильника.

Словарь скифо-сарматского языка

Ай – «жизненная сила», ср. древнеиндийское *āyus* – «жизненная сила».

Список литературы

1. Акаба, Л. Х. Из мифологии абхазов. – Сухуми: Алашара. – 1976.
2. Баукова, А. Ю. Пам'ятки з сарматськими знаками з розкопок 1947 р. у Керчі / Археологічні дослідження Львівського університету. – 2009. – Вып. 12. – С. 155-163.
3. Дашевская, О. Д. Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском / Советская археология. – 1962. – № 1. – с. 173-194.
4. Дзадзиев, А. Б., Дзуцев Х. В., Караев, С. М. Этнография и мифология осетин: Краткий словарь. – Владикавказ: Ир. – 1994.
5. Драчук, В. С. Системы знаков Северного Причерноморья (Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры). – Киев: Наукова думка. – 1975.
6. Иванова, А. П. Скульптура и живопись Боспора. Очерки. – Киев: Издательство АН УССР. – 1961.
7. КБН – Корпус боспорских надписей. – Москва – Ленинград: Наука. – 1965.
8. КБН – альбом. – Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. – Санкт-Петербург: Алетейя. – 2004.
9. Рябчиков, С. В. Скифо-сарматские истоки славянской культуры: Материалы Южнороссийской фольклорно-этнографической экспедиции. – Краснодар: Южнороссийская фольклорно-этнографическая экспедиция. – 2002.
10. Рябчиков, С. В. Археология скифов, сарматов, древних русов и славянский фольклор / Сучасні проблеми археології. – Київ: Інститут археології НАНУ. – 2002. – С. 214-215.
11. Рябчиков, С. В. К вопросу об интерпретации скифских и сарматских археологических памятников / Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск – Ханты-Мансийск: Омский государственный университет. – 2002. – С. 133-138.
12. Рябчиков, С. В. Сарматские надписи из Карачаево-Черкесии / Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск – Ханты-

Мансийск: Омский государственный университет. – 2002. – С. 138-142.

13. Рябчиков, С. В. Скифы, сарматы, меоты и славяне: Знаковая система, мифология, фольклор. – Ростов-на-Дону: Южнороссийская фольклорно-этнографическая экспедиция. – 2004.

14. Рябчиков, С. В. Скифы, сарматы, меоты и Боспор: Пересечение культур. – Москва: Южнороссийская фольклорно-этнографическая экспедиция. – 2004.

15. Рябчиков, С. В. Древнейшие скифо-сарматские тексты / Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання». – 2005. – № 7(3-4). – С. 44-45.

16. Рябчиков, С. В. Знаки зарубинецкой археологической культуры / Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання». – 2006. – № 9(2). – С. 38-39.

17. Рябчиков, С. В. Новые данные о скифских царях / Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання». – 2010. – № 26(3). – С. 9-22.

18. Рябчиков, С. В. Материалы и исследования по истории Скифии / Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання». – 2010. – № 27(4). – С. 27-35.

19. Рябчиков, С. В. Грифон как идеологический символ (скифы, сарматы, меоты) / Вісник Міжнародного дослідного центру «Людина: мова, культура, пізнання». – 2013. – № 34(3). – С. 8-14.

20. Рябчиков, С. В. Великая богиня Ма-Рада на Боспоре и в Ольвии: Новые материалы / Hermonassa. – 2018. – № 11. – С. 4-15.

21. Рябчиков, С. В. Долгожданная билингва на древнегреческом и скифо-сарматском языках из Боспорского царства; скифо-сарматские тексты, написанные греческими буквами / Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития. Сборник статей XXV международной научно-практической конференции, состоявшейся 28 ноября 2022 г. в г. Петрозаводске. – Петрозаводск: МЦНП «Новая Наука». – 2022. – С. 178-193.

22. Рябчиков, С. В. Скифо-сарматская надпись из Молдовы о сарматском вожде Зортине (скандинавском боге Одине) / Фундаментальная и прикладная наука: Состояние и тенденции развития. Сборник статей XXIV международной научно-практической конференции, состоявшейся 31 октября 2022 г. в г. Петрозаводске. – Петрозаводск: МЦНП «Новая Наука». – 2022. – С. 188-192.

23. Рябчиков, С. В. О скифо-сарматской надписи на монетах аланского князя Давида Сослана и грузинской царицы Тамары / Социосфера. – 2022. – № 4. – С. 13-24.

24. Рябчиков, С. В. Скифо-сарматская надпись из Венгрии: Бог-громовец в образе волка / Наука XXI века: вызовы, становление, развитие. Сборник статей VIII международной научно-практической конференции, состоявшейся 10 января 2023 г. в г. Петрозаводске. – Петрозаводск: МЦНП «Новая Наука». – 2023. – С. 231-244.

25. Рябчиков, С. В. Скифо-сарматская надпись на Керченской плите: Боспорский царь Савромат II разгромил сираков возле Фанагории. – Ереван: Фонд Сергея Рябчикова – Исследовательский центр по изучению древних цивилизаций и культур. – 2024.

26. Рябчиков, С. В. Имя богини Ма Апатура в Боспорском царстве: Интерпретация археологических находок / Научное пространство: результаты исследований и открытий. Сборник научных трудов по материалам XIX международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 17 июля 2026 г.). – Анапа: НИЦ «Иннова». – 2026. – С. 11-19.

27. Рябчиков, С. В. Боспорский царь Тиберий Юлий Евпатор: Древнегреческие и скифо-сарматские тексты / Современные тенденции развития науки: проблемы и перспективы в контексте глобальных вызовов. Сборник научных трудов по материалам XX международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 04 августа 2026 г.). – Анапа: НИЦ «Иннова». – 2026. – С. 45-57.

28. Сапрыкин, С. Ю., Масленников, А. А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора / Боспорские исследования. – Suppl. 1. – 2007.

29. Сокольский, Н. И. Крепость аспургиан на Боспоре / Краткие сообщения

о докладах и полевых исследованиях Института археологии. – 1975. – Вып. 143. – С. 21-30.

30. Соломоник, Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. – Киев: Издательство АН УССР. – 1959.

31. Babeş, M. Ein Tamga-zeichen aus der Dakischen Siedlung von Ocnita (Buridava) / Transilvanica, Archaologische Untersuchungen zur Altern Geschichte der südöstlichen Mitteleuropa. Gedenkschrift für Kurt Horedt. Internationale Archaologie. Studia honoraria. Rahden: Leidorf. – 1999. – Bd. 7. – S. 223-239.

32. Kozlovskaya, V., Ilyashenko, S.M. Tamgas and tamga-like signs from Tainais / Zeichentragende Artefakte im sakralen Raum. Zwischen Präsenz und Unsichtbarkeit. Berlin – Boston: De Gruyter, 2019. pp. 167-197.

33. Rjabchikov, S. V. Some remarks on the Scythian and Sarmatian religion / Selected papers in the AnthroGlobe Journal: 2001 – 2006. – Krasnodar: The Sergei Rjabchikov foundation – Research centre for studies of ancient civilisations and cultures. – 2026. – P. 9-21.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ КУРСАНТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Каменева Екатерина Александровна

аспирант

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет

имени И. С. Тургенева»,

город Орел

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема формирования физической готовности курсантов образовательных организаций силовых ведомств к предстоящей профессиональной деятельности. Актуальность продиктована нарастающим разрывом между постоянно повышающимися требованиями к физической подготовленности курсантов и отсутствием научно обоснованного комплекса педагогических условий, способных обеспечить достижение этих требований в логике компетентностной образовательной парадигмы. Выделены три группы педагогических условий, реализация которых в единстве позволяет обеспечить целенаправленное формирование физической готовности как интегративного компонента профессиональной компетентности. Обоснована необходимость дифференциации педагогических условий в зависимости от типа образовательной организации и характера предстоящей служебно-боевой деятельности. Представлена последовательность этапов формирования физической готовности, определены способы организации учебной деятельности курсантов.*

***Ключевые слова:** физическая готовность, курсанты, профессиональная*

деятельность, педагогические условия, ведомственная специфика

Abstract. *The article examines the problem of developing cadets' physical readiness for future professional activity in educational organizations of law enforcement agencies. The relevance of the study is due to the contradiction between the growing requirements for the level of physical fitness of graduates and the insufficient development of pedagogical conditions that support this process within the framework of a competency-based approach. The aim of the work is to identify and systematize the pedagogical conditions that contribute to the effective development of cadets' physical readiness, taking into account modern requirements and departmental specifics. Three groups of pedagogical conditions have been identified; their combined implementation makes it possible to ensure the purposeful development of physical readiness as an integrative component of professional competence. The necessity of differentiating pedagogical conditions depending on the type of educational organization and the nature of the upcoming service and combat activities has been substantiated. The sequence of stages in the development of physical readiness is presented, and the methods for organizing the cadets' learning activities are defined.*

Keywords: *physical readiness, cadets, professional activity, pedagogical conditions, departmental specifics*

Сложившаяся практика физической подготовки в военных и специализированных ВУЗах, ориентированная преимущественно на выполнение контрольных нормативов, не в полной мере обеспечивает интеграцию физических качеств с профессиональными компетенциями. Исследователи отмечают, что стандартные методики развития физической подготовленности практически исчерпали свой ресурс «на сегодняшний день недостаточно раскрыта сущность по организации и методики физического развития курсантов, компетенции преподавателей в аспекте профессиональной деятельности» [13; с. 400], тогда как современная профессиональная деятельность требует от офицера не только хорошей физической формы, но и способности применять физическую силу и специальные средства в нестандартных, быстро меняющихся ситуациях. Особого внимания заслуживает противоречие между необходимостью формирования у курсантов целостной

физической готовности как системного качества личности и недостаточной разработанностью педагогических условий, обеспечивающих этот процесс в рамках компетентностного подхода.

Цель исследования: выявление и систематизация педагогических условий, обеспечивающих эффективное формирование физической готовности курсантов к профессиональной деятельности, с учетом ведомственной специфики.

Физическая готовность курсантов к профессиональной деятельности представляет собой интегративное качество личности, включающее совокупность физических, психических и морально-волевых компонентов. Выделим несколько этапов формирования физической готовности (рис. 1).

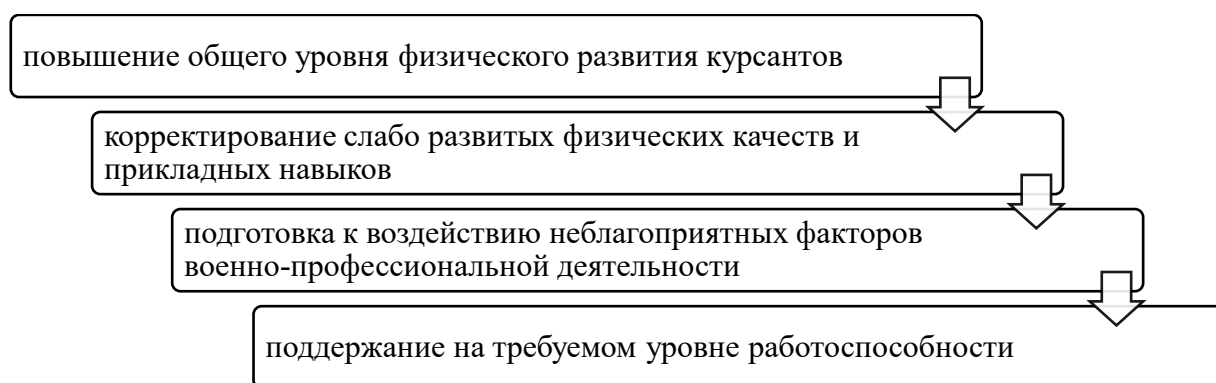

Рисунок 1 - Этапы формирования физической готовности курсантов к профессиональной деятельности

Поэтапное построение подготовки позволяет не только планомерно развивать необходимые физические кондиции, но и формировать у обучающихся устойчивую психологическую и функциональную базу, необходимую для успешного выполнения служебно-боевых задач в реальных условиях

«Использование программы в учебном процессе позволяет подготовить курсантов и слушателей к профессиональной деятельности, где в рамках проведения практических занятий активно используются различные типичные и нестандартные моделирующие оперативно-служебные ситуации, связанные с выполнением служебных задач» [12; с. 161]. Применение способов организации учебной деятельности (рис. 2) в зависимости от этапа подготовки, содержания занятия и уровня физической подготовленности курсантов позволяет преподавателю гибко управлять учебным процессом, оптимально сочетая решение

образовательных, развивающих и воспитательных задач.

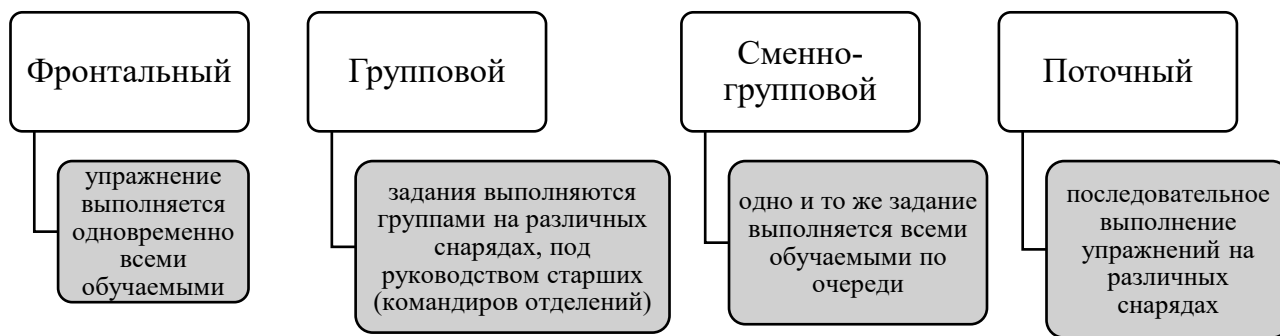

Рисунок 2 - Способы организации учебной деятельности курсантов [1; с. 183]

Выбор и рациональное сочетание способов организации учебной деятельности выступает одним из действенных методических инструментов реализации педагогических условий формирования физической готовности курсантов к профессиональной деятельности. Считаем, что формирование физической готовности не может рассматриваться изолированно от профессиональной подготовки в целом. Необходимо обеспечение единства образовательной, развивающей и воспитывающей задач педагогического процесса. Управленческий блок формирования готовности курсантов опирается на важнейшее условие – согласованную деятельность координационных механизмов в лице педагогов и руководителей ВУЗов.

Выделим три группы педагогических условий, обеспечивающих эффективность формирования физической готовности к профессиональной деятельности: организационно-педагогические, психолого-педагогические и методические (таблица 1). «Формирование готовности курсантов к их применению поможет преподавателям эффективно решать педагогические задачи с учетом будущих военно-профессиональных условий, проводить объективный контроль и корректировку образовательного процесса» [3; с. 1].

Реализация представленных в таблице выше условий в единстве организационных, психологических и методических аспектов позволяет обеспечить целенаправленное и системное формирование физической готовности как неотъемлемого компонента профессиональной компетентности будущих специалистов силовых ведомств, что подтверждает целесообразность их учета при

проектировании и модернизации образовательного процесса по физической подготовке.

Таблица 1 - Педагогические условия, обеспечивающие эффективность формирования физической готовности к профессиональной деятельности

Группа условий	Содержание условий
Организационно-педагогические	– разработка программы физической подготовки с учетом современных требований и специфики будущей профессиональной деятельности; – обеспечение взаимосвязи физической подготовки с решаемыми военно-прикладными задачами; – моделирование на занятиях элементов профессиональной деятельности; – наличие объективных критериев оценки физической готовности; – создание физкультурно-спортивной среды для формирования устойчивой потребности в занятиях.
Психолого-педагогические	– формирование устойчивого интереса к занятиям физической подготовкой; – применение индивидуального подхода с учетом возможностей каждого курсанта; – создание условий для проявления морально-волевых качеств; – стимулирование осознанной постановки целей профессионального саморазвития; – формирование установки на акцентированное развитие профессионально значимых качеств.
Методические	– преимущественное развитие физических качеств, востребованных в профессии (с учетом ведомственной специфики); – использование комплексных упражнений для отработки профессиональных приемов; – внедрение инновационных педагогических технологий и рейтингового контроля; – соблюдение последовательности этапов с постепенным усложнением задач.

Важной особенностью рассматриваемой проблемы является необходимость учета ведомственной специфики при определении педагогических

условий формирования физической готовности курсантов (таблица 2). Для различных силовых структур характерны свои приоритеты в физической подготовке. «Успех организации физической подготовки с общеукрепляющей и здоровьесберегающей направленностью в существенной мере обусловлен качеством проведения занятий преподавателем» [10; с. 558].

Таблица 2 - Ведомственные особенности физической подготовки курсантов

Тип образовательной организации	Приоритетные направления физической подготовки
ВУЗы МВД России	Акцент на междисциплинарной служебно-профессиональной подготовке; физическая готовность трактуется как степень освоения нормативных требований, обеспечивающих выполнение оперативно-служебных задач
ВУЗы ГПС МЧС России	Приоритетное использование пожарно-прикладных видов спорта; направленное развитие скоростной выносливости и ловкости; моделирование в учебном процессе ситуаций тушения пожаров и проведения аварийно-спасательных работ
ВУЗы ФСБ России (пограничный профиль)	Разработка и внедрение педагогической технологии формирования физической готовности к оперативной деятельности; включение упражнений, преимущественно развивающих выносливость
Артиллерийские ВУЗы	Специальный подбор средств физической подготовки, повышающих эффективность военно-профессиональной деятельности; обеспечение тесной взаимосвязи физической тренировки с решаемыми прикладными задачами
Военно-инженерные ВУЗы	Ориентация технологии развития военно-прикладной физической готовности на интеллектуальное, социальное и профессиональное становление личности курсанта

Таким образом, ведомственная дифференциация педагогических условий выступает как объективная необходимость, обусловленная различиями в профессиональной деятельности. Дальнейшее совершенствование физической подготовки курсантов должно учитывать данную специфику и предполагать разработку адаптированных педагогических технологий для каждого типа образовательных организаций, что позволит обеспечить качественную подготовку специалистов, способных эффективно решать профессиональные задачи в экстремальных условиях.

Процесс формирования физической готовности должен выстраиваться поэтапно, с соблюдением последовательности от базового повышения уровня физического развития через целенаправленную коррекцию отдельных качеств и

адаптацию к неблагоприятным факторам профессиональной деятельности к устойчивому поддержанию достигнутого уровня работоспособности. При этом рациональный выбор способов организации учебной деятельности выступает действенным инструментом реализации поставленных педагогических задач. Важным результатом исследования является вывод о необходимости дифференциации педагогических условий с учетом ведомственной специфики подготовки курсантов. Для образовательных организаций МВД, МЧС, ФСБ, артиллерийских и инженерных ВУЗов приоритетные направления физической подготовки определяются характером предстоящих служебно-боевых задач и требуют адаптации содержания, средств и методов физической тренировки к конкретным условиям профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Арутюнян В. Н., Стручков А. С., Лионтер В. В. Формирование системы методических навыков обучения на занятиях по физической подготовке у курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России / Молодой ученый. – 2020. – № 35 (325). – С. 182–185.
2. Баркалов С. Н., Струганов С. М. Особенности формирования психофизической готовности курсантов вузов МВД России, обучающихся по профилю ГИБДД / Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2021. – № 6. – С. 3–10.
3. Белова С. Н., Лебедев В. А. Формирование готовности курсантов к применению инновационного метода обучения в военном вузе / Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2023. – № 1 (65). – С. 1–5.
4. Бесов Е. В. Формирование физической готовности курсантов радиотехнического профиля исходя из историко-педагогического анализа процесса физической подготовки / Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 2 (128). – С. 1–6.
5. Еськова К. В. Подходы, связанные с совершенствованием физической

подготовки курсантов в системе Федеральной службы исполнения наказания России / Молодой ученый. – 2024. – № 1 (500). – С. 56–58.

6. Звягинцев М. В. Психологическая подготовка курсантов к применению боевых приемов борьбы / Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – № 3 (23). – С. 71–76.

7. Козырев А. Н., Колгин В. Б. Моделирование процесса формирования физической подготовленности курсантов с учетом специфики организации обучения в ВООВО Росгвардии / Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. – 2024. – № 2 (15). – С. 9–13.

8. Кушнарченко И. А., Лапин Д. А., Пожималина А. Ю., Ленева Ю. Б. Формирование готовности курсантов образовательных организаций МВД России к служебно-профессиональной деятельности / Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 5. – С. 230–234.

9. Невзорова Е. В. Основные этапы формирования физической готовности студентов технических вузов, проходящих обучение на военной кафедре при гражданском транспортном вузе, к профессиональной деятельности / Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2024. – № 1 (227). – С. 158–160.

10. Петров К.Н. Организация физической подготовки в образовательных учреждениях Министерства внутренних дел России / Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 7. – № 5. – С. 557–560.

11. Спришевский Д. Д., Лямзин Е. Н. Учебно-методическая практика по физической подготовке у курсантов как фактор качественной организации занятий / Молодой ученый. – 2021. – № 17 (359). – С. 313–315.

12. Струганов С. М., Панов Е. В. Пути совершенствования профессиональной адаптации курсантов и слушателей к служебной деятельности на занятиях физической подготовки / Наука-2020. – 2023. – № 2 (63). – С. 160–165.

13. Шайхуллин Т.Д., Астафьев А. Н., Веретенников И. С., Ларин А. Н., Баловин Е. А. К вопросу об эффективности использования педагогических условий в физическом развитии курсантов / Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2022. – № 8 (210). – С. 398–401.

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 528.8:631.45:551.515.4

ПРИМЕНЕНИЕ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ И ГИС ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПЫЛЕВОЙ ЭМИССИИ В СУРХАНДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Маматкулов Аслиддин Рустамбек угли

д.ф.с/х.н. (PhD), старший научный сотрудник

Баходиров Зафар Абдувалиевич

д.б.н (DSc), старший научный сотрудник

Эшмуродов Собир Жахонгир угли

магистрант

Институт почвоведения и агрохимических исследований,

Узбекистан

***Аннотация.** Проведена комплексная оценка потенциальных источников пылевой эмиссии в южной части Сурхандарьинской области с использованием ГИС, дистанционного зондирования, модели RWEQ и данных почвенного мониторинга. Выделены участки с высокой потенциальной подверженностью дефляции, а также охарактеризованы дисперсный и агрохимический состав переносимого почвенного материала. Показано, что сильная категория эрозионной опасности занимает 42% исследованной территории, а пылевой материал характеризуется значительной долей мелкодисперсных фракций. Полученные результаты позволяют рассматривать потенциальные источники пыли как пространственно и вещественно неоднородные объекты регионального мониторинга.*

***Ключевые слова:** дистанционное зондирование; ГИС; пылевая эмиссия; источники пыли; ветровая эрозия; дефляция; RWEQ; почвенные частицы;*

агрохимический состав; Сурхандарьинская область

Abstract. *A comprehensive assessment of potential sources of dust emissions in the southern part of the Surkhandarya Region was conducted using GIS, remote sensing, the Revised Wind Erosion Equation (RWEQ), and soil monitoring data. Areas with a high potential susceptibility to deflation were identified, and the particle-size and agrochemical composition of the transported soil material was characterized. The results showed that the high erosion-risk category accounted for 42% of the study area, while the dust material contained a substantial proportion of fine particles. The findings indicate that potential dust sources can be considered spatially and compositionally heterogeneous objects for regional monitoring.*

Keywords: *remote sensing; GIS; dust emission; dust sources; wind erosion; deflation; RWEQ; soil particles; agrochemical composition; Surkhandarya Region*

Введение. Пылевые бури представляют собой сложный природно-антропогенный процесс, в котором взаимодействуют состояние земной поверхности, свойства почвы, растительный покров, метеорологические условия и особенности атмосферного переноса. Для аридных и семиаридных территорий Центральной Азии проблема особенно актуальна вследствие высокой повторяемости сильных ветров, деградации почвенного покрова и наличия обширных открытых поверхностей.

Современные исследования показывают, что дистанционное зондирование Земли и геоинформационные системы позволяют перейти от регистрации отдельных пылевых событий к пространственному выявлению территорий, потенциально способных формировать пылевую нагрузку. При этом спутниковые данные характеризуют прежде всего состояние земной поверхности, тогда как модели ветровой эрозии позволяют количественно оценивать потенциальную уязвимость почв. Именно поэтому совместное использование ДЗЗ, ГИС и RWEQ рассматривается как перспективный подход к региональному мониторингу ветровой эрозии [1–3].

Для Центральной Азии пространственно-временная неоднородность ветровой эрозии определяется сочетанием скорости ветра, растительного покрова,

влажности почвы, характеристик поверхности и землепользования. Исследования показывают, что применение RWEQ совместно с геопространственными данными позволяет выделять территории с различной степенью потенциальной эрозийной опасности [1, 2].

Важным является также переход от характеристики территории-источника к характеристике самого пылевого материала. Ветровая эрозия избирательно вовлекает в перенос мелкие и более подвижные частицы, которые могут содержать органическое вещество, питательные элементы и растворимые соли. Поэтому потенциальный источник пыли целесообразно рассматривать не только как участок с высокой вероятностью дефляции, но и как источник материала с определёнными физико-химическими свойствами. Подобный подход согласуется с исследованиями, показывающими связь между размером почвенных агрегатов, интенсивностью пылеобразования и потерями PM_{10} . [4].

Для Сурхандарьинской области данная проблема имеет особое значение. Наблюдения за пылевыми бурями в Термезе показывают, что 9 июня 2023 г. произошло интенсивное пылевое событие, изучавшееся с использованием спутниковых данных и наземных наблюдений [5]. Более широкий анализ 2019–2023 гг. также показал высокую частоту пылевых событий в Термезе — порядка 50–70 событий в год в зависимости от используемого критерия идентификации [6].

Научный пробел заключается в том, что пространственное выявление потенциальных источников пыли в Сурхандарьинской области часто рассматривается отдельно от характеристик почвенного материала, который непосредственно вовлекается в воздушный перенос. Поэтому целью настоящего исследования является комплексное выявление потенциальных источников пылевой эмиссии на основе ГИС, ДЗЗ и RWEQ с дополнительной характеристикой дисперсного и агрохимического состава переносимого почвенного материала.

2. Материалы и методы

2.1. Общая схема исследования

Исследование основано на интеграции четырёх групп данных:

1. пространственные данные ГИС и дистанционного зондирования;

2. расчёт потенциальной подверженности почв ветровой эрозии по RWEQ;
3. результаты почвенного мониторинга с использованием пылеулавливающего устройства;
4. данные о фактических пылевых событиях и скорости ветра.

RWEQ применяется именно как инструмент оценки потенциальной способности поверхности к ветровой эрозии, а не как прямое доказательство происхождения конкретного пылевого события. Это принципиальное методическое ограничение необходимо учитывать при интерпретации результатов. Подобное разграничение между потенциальным источником и фактической атмосферной пылью подчёркивается и современными региональными исследованиями [1, 6].

2.2. Пространственная оценка

Для выделения потенциально опасных территорий использованы ГИС-методы пространственного анализа и результаты моделирования RWEQ. Полученные значения были классифицированы по степени потенциальной эрозионной опасности.

Исследуемая территория имеет площадь **1681,6 га**. По результатам пространственной оценки выделены четыре основные категории: отсутствие выраженного проявления эрозии, слабая, средняя и сильная потенциальная эрозионная опасность.

Таблица 1 - Пространственное распределение потенциальной подверженности почв ветровой эрозии

Класс потенциальной эрозионной опасности	Площадь, га	Доля, %
Без выраженного проявления эрозии	302,7	18
Слабая	252,3	15
Средняя	420,4	25
Сильная	706,2	42
Итого	1681,6	100

Пространственная оценка показывает, что наиболее крупную категорию составляет зона сильной потенциальной эрозионной опасности - 706,2 га, или 42% территории. Средняя и сильная категории совместно занимают 1126,6 га (67%), что указывает на значительную представленность участков, потенциально способных участвовать в формировании почвенного материала при

благоприятных ветровых условиях. При этом данная площадь не интерпретируется как фактическая площадь пылевой эмиссии, поскольку возникновение конкретного пылевого события зависит также от скорости и направления ветра, влажности поверхности, растительного покрова и регионального переноса.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Пространственная идентификация потенциальных источников

Результаты моделирования показывают, что потенциальные источники пылевого материала распределены по территории неравномерно. Наиболее значимые участки соответствуют зонам сильной потенциальной эрозионной опасности.

Рисунок 1 - Пыльная буря в г. Термез 2023 г.

Источник: предоставленная фотография фактического пылевого события в Термезе; дата события — 9 июня 2023 г.

Место размещения: сразу после первого абзаца раздела 3.1, перед Таблицей 2.

Рисунок необходим не столько как иллюстративная фотография, сколько как **визуальное подтверждение реального проявления пылевого процесса**, пространственная оценка которого проводится в настоящей работе.

Особое значение имеет то, что 9 июня 2023 г. в Термезе действительно наблюдалась сильная пылевая буря, которая ранее была исследована на основе спутниковых и наземных данных. [5] Поэтому фотография может быть непосредственно связана с рассматриваемым в исследовании процессом.

При этом нельзя утверждать, что все пылевые массы, наблюдавшиеся во время конкретного события, сформировались непосредственно на выделенной территории. Современные исследования подчёркивают, что пыль в Центральной Азии может иметь как локальное, так и региональное происхождение. Для установления источника необходимо сопоставлять состояние поверхности, направление ветра, аэрозольные показатели и траектории переноса [6].

3.2. Дисперсный состав переносимого материала

Особый интерес представляет материал, собранный с помощью пылеулавливающего устройства при мониторинге ветровой эрозии. Анализ показал неоднородность его гранулометрического состава.

Таким образом, более половины собранного материала относится к мелкодисперсной части. Это имеет принципиальное значение для оценки потенциальной пылевой эмиссии. Именно мелкие частицы обладают большей способностью переходить в состояние суспензии и переноситься воздушным потоком на значительные расстояния. Исследования механизмов пылеобразования также показывают важную роль мелких фракций и разрушения почвенных агрегатов в формировании PM_{10} . [4].

Следовательно, участки с высокой RWEQ-опасностью должны рассматриваться не только как территории потенциальной потери почвы, но и как возможные источники мелкодисперсного материала, способного участвовать в формировании атмосферной пыли.

3.3. Агрохимическая характеристика пылевого материала

Именно этот аспект позволяет расширить традиционный подход к идентификации источников пыли.

Вместо характеристики источника только по площади и степени эрозионной опасности в настоящем исследовании учитывается вещественный состав

переносимого материала.

Таблица 2 - Агрохимическая и водно-растворимая характеристика почвенного материала, собранного пылеулавливающим устройством

Показатель	Значение	Единица
Гумус	1,22	%
Общий азот	0,088	%
C:N	8,0	—
Общий P ₂ O ₅	0,35	%
Общий K ₂ O	0,775	%
Подвижный P ₂ O ₅	24,44	мг/кг
Подвижный K ₂ O	345	мг/кг
Сухой остаток	0,30	%
HCO ₃ ⁻	0,036	%
Cl ⁻	0,031	%
SO ₄ ²⁻	0,123	%
Ca ²⁺	0,020	%
Mg ²⁺	0,015	%
Na ⁺	0,042	%
Тип засоления	X-S	—
Степень	слабозасолённая	—

Полученные данные показывают, что переносимый ветром материал представляет собой не только механическую смесь минеральных частиц, но и содержит органическое вещество, азот, фосфор, калий и водорастворимые компоненты. Содержание гумуса составило 1,22%, общего азота — 0,088%, а отношение C:N - 8,0. Значения подвижных форм P₂O₅ и K₂O составили соответственно 24,44 и 345 мг/кг.

С экологической точки зрения это означает, что ветровая эрозия может сопровождаться селективным перераспределением агрохимически значимых компонентов почвы. Подобный эффект согласуется с исследованиями, в которых отмечается способность ветровой эрозии удалять мелкие частицы, органическое вещество и питательные элементы, одновременно формируя атмосферную пылевую нагрузку [4].

Наличие в водной вытяжке HCO₃⁻, Cl⁻, SO₄²⁻, Ca²⁺, Mg²⁺ и Na⁺ дополнительно характеризует химическую природу материала. При этом слабая степень засоления показывает, что переносимый материал может содержать растворимые соли, которые потенциально способны участвовать в их пространственном

перераспределении.

3.4. Влияние размера частиц на их перенос

Дополнительным показателем является изменение эффективности улавливания частиц в зависимости от их размера.

По данным мониторинга, средняя эффективность улавливания увеличивалась при уменьшении размера частиц: для частиц около 2,0 мм она составляла около 9%, для 1,0 мм — 27%, 0,5 мм — 53%, 0,3 мм — 67%, 0,2 мм — 76%, а для 0,1 мм достигала 87%.

Такая зависимость подтверждает, что мелкие частицы имеют более высокую представленность в переносимом воздушным потоком материале. Это особенно важно для потенциальной эмиссии PM_{10} , поскольку процесс дефляции сопровождается селективным переносом мелкодисперсной части почвы.

В исследованиях полупустынных почв также показано, что размер агрегатов и степень разрушения поверхности существенно влияют на поток PM_{10} и интенсивность пылеобразования [4].

Поэтому в предлагаемой схеме мониторинга RWEQ целесообразно использовать для первичного пространственного скрининга, а гранулометрические и агрохимические характеристики — для содержательной характеристики выделенных источников.

3.5. Метеорологическая реализация потенциальных источников

Пространственная уязвимость почвы сама по себе не означает постоянной эмиссии пыли. Для перехода потенциального источника в активное состояние необходимы соответствующие метеорологические условия.

По данным наблюдений за 2023 г., во время зарегистрированных пылевых событий средняя скорость ветра составляла примерно 6,5–7,7 м/с, а максимальная достигала 16,1 м/с.

Зарегистрированные события характеризуются повторяемостью сильных ветровых воздействий. Максимальная скорость достигала 16,1 м/с, а наиболее продолжительное событие продолжалось около 140 часов. Эти данные показывают, что потенциально уязвимые поверхности могут периодически переходить

в активную фазу дефляции.

Таблица 3 - Метеорологические характеристики зарегистрированных пылевых событий

Период	Средняя скорость, м/с	Максимальная скорость, м/с	Продолжительность, ч
16–19.07.2023	7,2	13,0	12
19–29.07.2023	6,5	14,8	140
29.07–04.08.2023	7,4	16,1	49
04–06.08.2023	6,7	10,3	17
06–07.08.2023	—	7,6	2
11–16.08.2023	6,6	14,8	39
20.08.2023	—	8,5	9
20–21.08.2023	—	8,9	6
21–23.08.2023	7,7	15,6	35
23–27.08.2023	7,1	13,0	33
27–30.08.2023	6,6	11,6	26

Полученные результаты согласуются с современными региональными исследованиями, согласно которым скорость и направление ветра являются одними из наиболее значимых метеорологических факторов формирования пылевых бурь в Центральной Азии. Для типичных событий в регионе были выявлены западные ветры порядка 6 м/с, сопровождавшиеся повышением PM_{2.5} и UVAI [6].

Таким образом, пространственная карта потенциальных источников должна рассматриваться совместно с метеорологическим триггером. Без такого сопоставления существует риск отождествления потенциальной эрозионной уязвимости с фактическим источником конкретной пылевой бури.

4. Обсуждение

Полученные результаты позволяют предложить расширенную концепцию идентификации потенциальных источников пылевой эмиссии.

В традиционном подходе основное внимание уделяется пространственному выделению участков с открытой поверхностью, низким растительным покровом или высокой потенциальной эрозионной опасностью. Современные исследования ДЗЗ и ГИС подтверждают эффективность такого подхода для регионального скрининга [1–3].

Однако RWEQ-карта характеризует прежде всего потенциальную

способность поверхности к дефляции. Она не показывает автоматически, откуда произошла каждая конкретная пылевая буря. Это особенно важно для Сурхандарьинской области, расположенной в системе регионального атмосферного переноса. Анализ Центральной Азии показывает, что пылевые события могут иметь как локальный, так и региональный характер [6].

Предлагаемый в настоящей работе подход расширяет эту схему за счёт включения дисперсного и агрохимического состава почвенного материала.

Именно такая интеграция позволяет перейти от простого «картирования эрозии» к идентификации потенциальных пылевых источников.

5. Научная новизна

Научная новизна работы заключается в том, что потенциальные источники пылевой эмиссии рассматриваются не только как пространственные зоны повышенной эрозионной уязвимости, но как комплексные пространственно-вещественные объекты.

Впервые для рассматриваемой территории в единой аналитической схеме объединены:

- пространственная оценка потенциальной ветровой эрозии по RWEQ;
- ГИС и дистанционное зондирование;
- фактические характеристики пылевых событий;
- дисперсный состав переносимого почвенного материала;
- агрохимический состав пылевого материала;
- водно-растворимые компоненты;
- метеорологические условия активизации дефляции.

Особенно важным результатом является установление того, что 66,2% собранного почвенного материала относится к фракции менее 0,05 мм, что повышает его потенциальную способность участвовать в атмосферном переносе.

Другой важный результат заключается в том, что в переносимом материале обнаружены гумус, общий азот, фосфор, калий и водорастворимые ионы, то есть ветровой перенос потенциально затрагивает не только минеральную массу почвы, но и её агрохимически значимые компоненты

6. Практическая значимость

Полученные результаты могут использоваться для формирования системы регионального мониторинга пылевой эмиссии.

В первую очередь мониторинг следует концентрировать на участках, относящихся к сильной категории потенциальной эрозионной опасности. На исследованной территории такая категория занимает 706,2 га (42%).

Для этих участков целесообразно организовать:

- регулярный спутниковый мониторинг состояния поверхности;
- контроль NDVI и других индексов растительного покрова;
- метеорологическое наблюдение за скоростью и направлением ветра;
- контроль PM_{10} и $PM_{2.5}$;
- периодический сбор материала пылеулавливающими устройствами;
- лабораторный анализ гранулометрического и химического состава;
- сопоставление локальных данных с региональными траекториями переноса.

Такой мониторинг позволит постепенно перейти от карты потенциальной опасности к динамической карте активности источников пыли.

7. Заключение

Проведённая оценка показала, что применение ГИС, дистанционного зондирования и RWEQ позволяет выделять пространственно неоднородные территории, потенциально способные участвовать в формировании пылевой эмиссии.

На исследуемой территории площадью 1681,6 га сильная потенциальная эрозионная опасность выявлена на 706,2 га (42%), тогда как средняя и сильная категории совместно охватывают 67% территории.

Анализ переносимого почвенного материала показал высокую представленность мелкодисперсных фракций: доля частиц менее 0,05 мм составила 66,2%. Это указывает на наличие значительной части материала, потенциально способного вовлекаться в воздушный перенос.

Химико-агрохимический анализ показал присутствие в переносимом материале гумуса, общего азота, фосфора, калия, а также водорастворимых

соединений. Таким образом, ветровая эрозия может рассматриваться не только как процесс механического перемещения почвы, но и как механизм пространственного перераспределения её отдельных химических компонентов.

Метеорологические наблюдения показали, что зарегистрированные пылевые события сопровождались средними скоростями ветра около 6,5–7,7 м/с, максимальными значениями до 16,1 м/с, а продолжительность отдельных событий достигала 140 часов.

Основной вывод: потенциальный источник пылевой эмиссии целесообразно идентифицировать не по одному показателю, а по совокупности пространственной эрозионной уязвимости, состояния земной поверхности, дисперсного и химического состава почвенного материала и метеорологических условий.

При этом высокая категория RWEQ не доказывает происхождение конкретной пылевой бури. Для установления фактического источника необходима дополнительная интеграция спутниковых аэрозольных продуктов, $PM_{10}/PM_{2.5}$, направления ветра и траекторного анализа. Это соответствует современному пониманию пылевого цикла в Центральной Азии [6].

Список литературы

1. Li J., Ma X., Zhang C. Predicting the spatiotemporal variation in soil wind erosion across Central Asia in response to climate change in the 21st century / Science of the Total Environment. 2020. Vol. 709. 136060. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2019.136060.
2. Li J., Yuan X., Su Y., Qian K., Liu Y., Yan W., Xu S., Yang X., Luo G., Ma X. Trade-offs and synergistic relationships in wind erosion in Central Asia over the last 40 years: A Bayesian Network analysis / Geoderma. 2023. Vol. 437. 116597. DOI: 10.1016/j.geoderma.2023.116597.
3. Wang W., Samat A., Ge Y., Ma L., Tuheti A., Zou S., Abuduwaili J. Quantitative Soil Wind Erosion Potential Mapping for Central Asia Using the Google Earth Engine Platform / Remote Sensing. 2020. Vol. 12, No. 20. 3430. DOI: 10.3390/rs12203430.

4. Katra I. Soil Erosion by Wind and Dust Emission in Semi-Arid Soils Due to Agricultural Activities / *Agronomy*. 2020. Vol. 10, No. 1. 89. DOI: 10.3390/agronomy10010089.

5. Khamidjonov S.K., Doniyorova X.S. Analysis of a sand and dust storm event in Termez, Surkhandarya Region, Uzbekistan: impacts and insights / *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2023. Vol. 1284. 012001. DOI: 10.1088/1755-1315/1284/1/012001.

6. Rakhmatova N., Nishonov B.E., Shardakova L., Akhmedova A., Belikov D.A. Analysis of sand and dust storm activity in Central Asia for the period 2019–2023: Detection and analysis using an integrated approach / *Science of the Total Environment*. 2025. Vol. 1002. 180586. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2025.180586.

7. Rakhmatova N., Nishonov B.E., Shardakova L., Akhmedova A., Khudoyberdiev A., Rakhmatova V., Belikov D.A. Temporal and Spatial Dynamics of Dust Storms in Uzbekistan from Meteorological Station Records (2010–2023) / *Atmosphere*. 2025. Vol. 16, No. 7. 782. DOI: 10.3390/atmos16070782.

8. Fryrear D. W., Chen W., Lester C. Revised Wind Erosion Equation / *Annals of Arid Zone*. 2001. Vol. 40, No. 3. P. 265–279.

9. Fryrear D. W., Sutherland P. L., Davis G., Hardee G., Dollar M. Wind Erosion Estimates with RWEQ and WEQ / *Sustaining the Global Farm*. 2001. P. 760–765.

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

УДК 61

АНАЛИЗ РАСПРОСТРАНЁННОСТИ ЙОДОДЕФИЦИТНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ЩИТОВИДНОЙ ЖЕЛЕЗЫ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЗА 2023-2024 ГГ.

Семенов Роман Петрович

Семенов Константин Петрович

Попова Анастасия Александровна

Мустафин Станислав Алексеевич

студенты

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. Ульянова»,
город Чебоксары

Аннотация. В данной научной статье описаны наиболее часто встречающиеся йододефицитные состояния щитовидной железы (эндемический зоб), симптомы данных заболеваний, представлен патогенез, собраны статистические данные о заболевании за 2023-2024 гг., определены действующие меры профилактики в республике.

Ключевые слова: зоб, статистика, йододефицит, симптомы, профилактика

Abstract. This scientific article describes the most common iodine-deficiency conditions of the thyroid gland (endemic goiter), the symptoms of these diseases, presents the pathogenesis, collects statistical data on the disease for 2023–2024, and identifies the current preventive measures in the republic.

Keywords: goiter, statistics, iodine deficiency, symptoms, prevention

Одной из главных экологических проблем на всем земном шаре является природно обусловленный дефицит йода в биосфере. По данным ВОЗ в условиях дефицита йода живут более 2 млрд. человек, среди них: у 740 млн. выявлен

эндемический зоб, 43 млн. имеют умственную отсталость, более 6 млн. страдают кретинизмом — крайней степенью умственной отсталости, и все это вызвано дефицитом йода.

В условиях дефицита йода проживают жители таких густонаселенных стран, как Китай (> 500 млн. чел.), Индия (> 300 млн. чел.). От недостаточного потребления йода страдают люди всех континентов: Европы, Азии, Африки, Америки, Австралии. Россия находится на третьем месте среди стран, территории которых дефицитны по йоду. Проблема йододефицита актуальна для всех регионов нашей страны, но в особенности для Забайкалья, Кузбасса, Алтая, Республики Тыва, Северного Кавказа, Башкортостана, в Ямало-Ненецком автономном округе, в Удмуртии и т.д.

Республика Чувашия, также относится к эндемичным районам, в связи с чем у населения имеется дефицит йода в питании. Наиболее уязвимой категорией населения при нехватке йода являются беременные женщины, кормящие матери, новорожденные, дети раннего возраста и подростки.

Йод входит в состав гормонов щитовидной железы и необходим нашему организму для осуществления следующих физиологических процессов:

- нормальное формирование и функционирование мозга;
- нормальная функция щитовидной железы;
- нормальный рост и развитие ребенка;
- полноценная жизнь взрослого человека и способность к продолжению рода, нормальное течение беременности и родов.

Задачи:

- 1) Собрать статистические данные о заболеваемости йододефицитными состояниями (ЙДЗ) в Чувашской Республике за 2023–2024 гг.
- 2) Структурировать данные по полу и возрасту.
- 3) Определить действующие меры профилактики йододефицита в республике.

Эндемический зоб (Endemic goiter) — это увеличение щитовидной железы, вызванное недостатком йода в питании у жителей некоторых регионов. В таких

регионах йододефицит отмечается более чем у 5 % населения.

Заболевание возникает при длительном дефиците йода и может появиться как в детском, так и во взрослом возрасте. У детей и молодых людей зоб обычно диффузный (увеличивается вся щитовидная железа). У пациентов старше 40 лет чаще возникает узловой зоб (появляются узлы в ткани щитовидной железы) или смешанная форма (узлы сочетаются с общим увеличением железы) [3, с. 30].

Патогенез

Йод – важнейший субстрат для образования тиреоидных гормонов трийодтиронина (Т3) и тироксина (Т4). В процессе синтеза одной молекулы используется 3-4 атома минерала. В периферических тканях наблюдается превращение неактивного Т4 в активный Т3, что сопровождается отщеплением одного атома йода и обратным поглощением его щитовидной железой. Йод считается регулятором гормональной активности ЩЖ и скорости роста ее клеток. Чем сильнее йододефицит, тем больше активизируются ростовые факторы.

Симптомы

По мере увеличения щитовидной железы появляются локальные признаки:

- дискомфорт и распирающие в шее, изменение её формы;
- ощущение кома в горле;
- давление или ощущение инородности при глотании;
- осиплость голоса и сухой кашель — из-за сдавливания трахеи;
- затруднение дыхания (одышка, трудности с глубоким вдохом) — при

значительном сдавливании трахеи.

При гипотиреозе (снижении функции щитовидной железы) могут наблюдаться:

- постоянная усталость, набор веса при нормальном питании;
- депрессивное состояние, раздражительность, ухудшение концентрации;
- сухость кожи, ломкость и тусклость волос и ногтей;
- отёки вокруг глаз, на лице и других частях тела [4].

Профилактика йододефицита в республике

- 1) йодированная соль как универсальный, высокоэкономичный, базовый

метод йодной профилактики. Употребляя йодированную соль, нормальное поступление йода в организм поддерживается постоянно.

2) биологически активные добавки к пище нужно использовать аккуратно, т.к. многие БАДы могут содержать намного превышающие физиологические дозы йода.

3) добавление в свой рацион таких морепродуктов, как мидии, крабы, креветки, морская капуста в качестве профилактики йоддефицита нужно с аккуратностью, т.к. в данных продуктах также может содержаться большое количество йода (более 1000 мкг в 100 г) [5, с. 52].

Для оценки состояния было проанализировано 50 медицинских карточек пациентов с зобом. В выборке преобладают женщины: их 36, что составляет 72 %, мужчин — 14, или 28 %. Важно отметить, что больше половины пациентов — люди старше 20 - 30 лет, что может указывать на накопление патологии с возрастом.

Преобладание женщин связано с повышенной потребностью женского организма в гормонах щитовидной железы в период полового созревания, беременности и кормления грудью, влиянием эстрогенов на метаболизм тиреоидных гормонов.

Таким образом, проблема йододефицитных заболеваний щитовидной железы остаётся актуальной для Чувашской Республики — региона, традиционно относящегося к эндемичным по данному заболеванию. Оптимальным решением для массовой профилактики йододефицитных состояний остается повсеместное использование йодированной соли.

Список литературы

1. Абдулхабирова Ф. М., Безлепкина О. Б., Бровин Д. Н., Мельниченко Г. А., Нагаева Е. В., Платонова Н. М., Рыбакова А. А., Солдатова Т. В., Трошина Е. А., Ширяева Т. Ю. Клинические рекомендации «Заболевания и состояния, связанные с дефицитом йода» / Проблемы эндокринологии. — 2021. — Т. 67. — №3. — С. 10-25.

2. Алтынова, Н. В. Поражаемость эндемическим зобом студентов Чувашского ГАУ / Н. В. Алтынова, В. К. Таланцева / Научно-образовательные и прикладные аспекты производства и переработки сельскохозяйственной продукции: материалы V Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 15 ноября 2021 года. - Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2021. - С. 684-688.

3. Мадянов И. В. Распространенность основных эндокринных заболеваний у взрослого населения Чувашии, их связь с определёнными детерминантами по результатам эпидемиологического исследования / Здоровоохранение Чувашии. - 2019. - №3. - С. 29-36.

4. Краснов В. М., Краснов М. В. Йоддефицитные заболевания у детей и подростков Чувашской Республики. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 2014. 228 с.

5. Герасимов Г. Йододефицитные заболевания в Российской Федерации: политика в области профилактики и тенденции в эпидемиологической ситуации (1950–2002). М.: Медицина, 2003. 50-55 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9

ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОДИНАМИЧЕСКОГО И КОГНИТИВНОГО ПОДХОДОВ В ПОНИМАНИИ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ

Солдатова Вероника Сергеевна

студент

Факультет социальной работы и клинической психологии

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный медицинский университет

Министерства здравоохранения Российской Федерации»

***Аннотация.** Статья посвящена интеграции психодинамического и когнитивного подходов к пониманию механизмов психологической защиты. В работе обосновывается, что данные подходы могут дополнять друг друга. Теоретическая значимость работы заключается в обосновании интегративной модели психологических защит как единства аффективных и когнитивных процессов. Практическая значимость связана с возможностью применения данной модели в диагностике и психотерапевтической работе.*

The article explores the integration of psychodynamic and cognitive approaches to understanding psychological defense mechanisms. It argues that these approaches can complement each other. The theoretical significance of this work lies in its substantiation of an integrative model of psychological defenses as a unity of affective and cognitive processes. Its practical significance lies in the potential application of this model in diagnostics and psychotherapy.

***Ключевые слова:** психологическая защита, защитные механизмы, психодинамический подход, когнитивный подход, интегративная модель, бессознательное, когнитивные искажения*

Keywords: psychological defense, defense mechanisms, psychodynamic

approach, cognitive approach, integrative model, unconscious, cognitive distortions

Феномен психологической защиты на протяжении более столетия остаётся в центре внимания психологической науки и практики. Впервые описанный в рамках психоаналитической теории, он продолжает вызывать интерес исследователей в свете развития когнитивной психологии и нейронаук. Актуальность интегративного анализа защитных механизмов обусловлена необходимостью преодоления дисциплинарных границ и создания более полной модели понимания того, как психика справляется с тревогой.

Психоаналитическая теория рассматривает защиты как бессознательные процессы, направленные на снижение тревоги и сохранение целостности Эго. Когнитивный подход фокусируется на искажениях переработки информации и автоматических мыслительных паттернах, выполняющих сходные функции. Цель работы - показать, что два данных подхода взаимодополняют друг друга, а их интеграция позволяет выйти на новый уровень понимания механизмов психологической защиты.

Психологическая защита в психодинамической теории. Понятие психологической защиты было введено Зигмундом Фрейдом и развито Анной Фрейд. В классическом психоанализе защита понимается как деятельность Эго, направленная на предотвращение прорыва в сознание неприемлемых влечений и аффектов [3]. Анна Фрейд выделила более десяти защитных механизмов, среди которых вытеснение, проекция, рационализация, сублимация, реактивное образование [4].

Ключевая характеристика защит в психодинамической парадигме - их бессознательный характер. Личность не осознаёт использование защитного механизма, и именно эта неосознанность позволяет эффективно справляться с тревогой. Как отмечает Талипов Ж. Б., психологическая защита ориентирована на внутреннее благополучие личности и реализуется посредством подсознательной переработки информации [3].

Среди наиболее изученных механизмов: вытеснение - изъятие из сознания нежелательных идей и аффектов; проекция - приписывание собственных

неприемлемых чувств другим; рационализация - создание ложных, но логичных обоснований; реактивное образование - выражение чувств, противоположных истинным. Эти механизмы объединяет одна функция - защита психики от болезненных переживаний. При правильном функционировании защита предотвращает дезорганизацию поведения, однако чрезмерное использование защит может приводить к искажению восприятия реальности.

Психологическая защита в когнитивном подходе. Когнитивная психология подходит к феномену защиты с иных позиций. В центре внимания оказываются когнитивные схемы, автоматические мысли и искажения переработки информации. В качестве защитного механизма может выступать, например, когнитивный диссонанс — это стремление отвергать информацию, не совпадающую с собственными убеждениями личности [1,5].

Важным вкладом является выделение перцептивной защиты - повышения порога чувствительности к травмирующей или неприемлемой информации. В данном случае речь идёт о когнитивных искажениях в восприятии другого человека под влиянием защитных механизмов.

В когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) автоматические мысли и иррациональные убеждения выполняют функцию, сходную с защитными механизмами. Как отмечает Д. Перротта, несмотря на различные теоретические основания, психоанализ и КПТ могут сотрудничать, поскольку адресуют разные источники психопатологии [7]. То есть когнитивный подход позволяет увидеть, что многие защитные феномены имеют когнитивную составляющую: искажение реальности, отрицание, рационализация могут быть поняты через призму когнитивных схем и автоматических мыслительных процессов.

Основная идея интегративного подхода заключается в том, что психологические защиты представляют собой единство аффективных и когнитивных процессов. Согласно теории Льюиса, процессы защиты связаны с самоорганизующимися когнитивно-аффективными структурами [6]. Негативные эмоциональные состояния, оценки возбуждения и защитные оценки, взаимодействуя, объединяются в когнитивные структуры. Путём многократного применения эти

структуры автоматизируются, и защитный механизм становится новым качеством, возникающим через взаимодействие базовых когнитивных и аффективных процессов.

В отечественной психологии аналогичные идеи развиваются в работе Е. Т. Соколовой, рассматривающей защиту как результат взаимодействия когнитивного и аффективного опосредствования [2].

Интегративный анализ позволяет выделить два уровня функционирования защитных механизмов. Первый уровень - психодинамический, связанный с бессознательными конфликтами. Второй уровень, соответственно, когнитивный, представленный автоматическими мыслями и искажениями переработки информации. Оба типа психических механизмов адресуют различные аспекты бессознательной переработки информации, что открывает возможности для их продуктивного сотрудничества в клинической практике.

Искажения восприятия и осознания, описываемые в когнитивной психологии, по своей функции сходны с действием классических защитных механизмов. Осознание ранее избегаемых эмоций, мыслей и воспоминаний может снижать необходимость в дезадаптивных защитах.

Особого внимания заслуживают компенсаторные механизмы как наиболее когнитивно сложные и сознательно используемые стратегии защиты. В отличие от примитивных защит, они предполагают определённый уровень рефлексии. Когнитивное созревание и возрастные кризисы обуславливают формирование, перестройку и закрепление защитных механизмов, что подтверждает тезис о развитии защит от примитивных к более зрелым формам.

Интегративная модель открывает новые возможности для диагностики защитных механизмов. Использование как психодинамических (проективные методики, анализ переноса), так и когнитивных (опросники автоматических мыслей, анализ когнитивных искажений) методов позволяет получить более полную картину защитной организации личности [5].

В клинической практике интегративный подход позволяет выбирать оптимальные стратегии работы с защитами в зависимости от их уровня и типа. При

работе с примитивными защитами эффективны психодинамические интервенции, направленные на осознание бессознательных конфликтов. При работе с более зрелыми защитами - когнитивные техники, направленные на выявление и коррекцию искажённых убеждений.

Эмоционально безопасный, чуткий и эмпатичный характер терапевтических отношений также является фундаментальным для ослабления неадаптивных защит. Полезные изменения во внутренних моделях клиента (пациента) зависят от качества терапевтических отношений и социального контекста.

Проведённый анализ показывает, что психодинамический и когнитивный подходы к пониманию психологических защит дополняют друг друга. Психодинамическая концепция даёт глубокое понимание бессознательной природы защит, их связи с ранними конфликтами и аффективными процессами. Когнитивный подход позволяет увидеть когнитивную составляющую защитных феноменов, их связь с автоматическими мыслительными процессами и искажениями переработки информации.

Интегративная модель психологических защит как единства аффективных и когнитивных процессов открывает новые перспективы как для теоретического осмысления феномена, так и для практической работы в области диагностики и психотерапии. Осознание того, что защитные механизмы представляют собой самоорганизующиеся когнитивно-аффективные структуры, позволяет создать более полную, многоуровневую модель функционирования психики в условиях угрозы и тревоги.

Список литературы

1. Гусева О. В., Коцюбинский А. П. Интегративная модель психотерапии эндогенных психических расстройств: интеграция образовательного, когнитивно-поведенческого и психодинамического подходов: рук-во для врачей. — СПб.: СпецЛит, 2013. — 287 с.
2. Соколова Е. Т. Феномен психологической защиты / Вопросы психологии. — 2007. — № 4. — С. 66-79.

3. Талипов Ж. Б. Значимость изучения теории Анны Фрейд о психологических защитных механизмах / *European science*. – 2020. – № 2-2 (51). – С. 95-96.
4. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы. – М.: Педагогика пресс, 1993. – 144 с.
5. Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г. Интеграция когнитивного и психодинамического подходов на примере психотерапии соматоформных расстройств / *Консультативная психология и психотерапия*. – 1996. – Т. 4. – № 3.
6. Lewis M. The self in self-conscious emotions / *Annals of the New York Academy of Sciences*. – 1997. – Vol. 818.
7. Perrotta D. Psychical mechanisms in psychodynamic and cognitive behavioural therapy: towards an integrative analysis of unconscious processes / *Psychodynamic Practice*. – 2026. – Vol. 32, No. 2. – P. 195-212.

**«ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ
НАУКЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И АКТУАЛЬНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ»**

XV Международная научно-практическая конференция

Научное издание

ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО

(подразделение НИЦ «Иннова»)

353445, Россия, Краснодарский край, г.-к. Анапа,

ул. Весенняя, 8, оф. 1

Тел.: 8-800-201-62-45; 8 (861) 333-44-82

Подписано в печать 25.08.2026 г. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 4,13
Бумага офсетная. Печать: цифровая. Гарнитура шрифта: Times New Roman
Тираж 50 экз. Заказ 130